

HARLEQUIN®

new york times
bestselling author

Маскарад
HISTORICAL
Romance

Кортни Милан Доказательство любви

Этот роман — настоящее, глубокое, эмоциональное исследование законов любви с блестящей игрой персонажей и красивейшими историческими зарисовками.

The Book Pushers

Номинация на премию Romantic Times Award
в категории «Лучший исторический роман»

Маскарад – Harlequin

Кортни Милан

Доказательство любви

«Центрполиграф»

2010

Милан К.

Доказательство любви / К. Милан — «Центрполиграф»,
2010 — (Маскарад – Harlequin)

Маркиз Гарет Кархарт, талантливый ученый и богатый аристократ, пытается оградить младшего брата от влияния авантюристки Дженни Кибл, но вскоре сам попадает под власть ее чар. Чувствуя привязанность к этой удивительной женщине, переживая упоительные моменты неведомого прежде плотского наслаждения, он по-прежнему не желает понять, что дружба и любовь не подвластны строгой научной логике. Дженни старается разрушить фундаментальные основы его мировоззрения, но приходит в отчаяние оттого, что не может научить Гарета быть счастливым и дарить счастье другим, и решает уйти из его жизни...

© Милан К., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	32
Глава 5	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кортни Милан

Доказательство любви

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Посвящается Тессе и Ами. Вы верили в меня. Вы подгоняли меня. Вы научили меня не обращать внимания на неприятности и радоваться хорошим известиям. И когда для меня настали очень, очень плохие времена, вы взяли меня за руку и помогли двигаться вперед.

Глава 1

Лондон, апрель 1838 года

Двенадцать лет занятий этим ремеслом научили Дженни Кибл не полагаться на волю случая, если речь шла о создании особой, тщательно продуманной атмосферы, царящей в ее кабинете. Легкий запах сандалового дерева, едва заметный дымок, вьющийся над курильницей, добавляли некое ощущение загадочности и таинственности, не слишком назойливое, но, безусловно, экзотичное. Она машинально проверила черную дешевую хлопковую драпировку, скрывавшую расшатанный деревянный столик. Будничным жестом расправила висевший на стене красочный гобелен, приобретенный ею у цыган.

Каждая деталь – паутина, намеренно оставленная в углу комнаты, полупрозрачная ткань на окне, сквозь таинственную дымку которой едва проникали солнечные лучи, – вкрадчиво шептала входящему, что именно здесь – место, где работает магия, где духи дают мудрые советы.

Что ж, именно такого эффекта Дженни и намеревалась достигнуть.

Так почему же ей так хочется сбросить этот костюм? Откровенно говоря, юбка в ядовитую красно-голубую полоску в сочетании с зеленой блузкой совсем не украшали ее. Много-слойные одежды полностью скрывали талию, делая молодую женщину похожей на огромный арбуз. Ее кожа страдала под толстым слоем пудры, румян и туши. Однако причины ее беспокойства лежали гораздо глубже, чем слой крема и пудры.

Раздался резкий стук в дверь.

Именно ради этого Дженни трудилась двенадцать лет. Двенадцать лет осторожной лжи и вкрадчивой полуправды, проведенные в кропотливом возвращении клиентов. Однако что точно недопустимо при ее профессии, так это неуверенность. Она сделала глубокий вдох и отбросила в сторону все сомнения Дженни Кибл. Нет, Дженни Кибл здесь не место, за столом сидела невозмутимая и уверенная в себе мадам Эсмеральда. Женщина, которая видит все, может предугадать все и не остановится ни перед чем.

Твердо решив не расставаться больше с этой личиной, Дженни открыла дверь.

На пороге стояли два джентльмена. Одного из них, Неда, своего любимого клиента, она ожидала увидеть. Высокий, худой и неуклюжий юноша, едва переступивший порог отрочества. Копна светло-каштановых волос оттеняла его мальчишеские черты. Его лицо озарила открытая, приветливая улыбка. Дженни охотно ответила бы тем же радушием, но рядом с ним внезапно заметила другого, неизвестного ей человека. Незнакомец был очень высоким, даже выше Неда. Он стоял, отступив от юноши на несколько шагов и заложив руки за спину, с видом явного неодобрения.

– Мадам Эсмеральда, – произнес Нед. – Извините, я не предупредил вас, что приду не один.

Дженни изучающе взглянула на незнакомца. Его сюртук был небрежно расстегнут, однако, похоже, портному пришлось провести часы, добиваясь того, чтобы он безупречно сидел на владельце, не только не сковывая движений, но и выставя в самом выигрышном свете все достоинства его фигуры. Рыжевато-коричневые волосы казались слегка взъерошенными, галстук повязан самым простым узлом. Детали его гардероба свидетельствовали о высокомерной небрежности, с которой тот относился к костюму, словно говоря, что внимание его не может быть занято столь незначительными и приземленными вопросами.

В данный момент все это внимание досталось Дженни, да так, что у нее пробежал холодок по спине. Одним хищным взглядом он окинул ее с ног до головы. Она вздрогнула.

– Мадам Эсмеральда, – представил их Нед, – это мой кузен.

Легкая гримаса недовольствия застыла на лице последнего, и Нед издал сдержанный вздох.

– Да, Блейкли. Ты позволишь мне представить тебе мадам Эсмеральду? – проговорил юноша ровным голосом, даже не подразумевая вопроса. – Мадам, это – Блейкли. То есть, на самом деле, – Гарет Кархарт, маркиз Блейкли и так далее и тому подобное...

Мрачные опасения промелькнули в сознании Дженни, присевшей в почтительном реверансе. Нед и раньше упоминал о своем кузене. Судя по его описаниям, она представляла себе маркиза старым и дряхлым, одержимым цифрами и фактами. Кузен Неда казался ей холодным, отстраненным, устрашающе нелюбезным сухарем, настолько замкнувшимся в своих интересах, что его абсолютно не интересовали другие люди.

Но этот мужчина был совсем не отстраненным. Даже находясь от него на расстоянии не более ярда¹, она явственно ощущала, как кожа ее покрылась мурашками. Не был он и старым. Высокий, но не костлявый, с самодовольным и самоуверенным выражением лица. Более всего обращала на себя внимание его настороженная сосредоточенность, холодное любопытство. Она часто думала, что у Неда глаза терьера – теплые, влажные и преданные. Глаза же его кузена определенно принадлежали льву – рыжевато-карие, свирепые и беспощадные.

Дженни мысленно возблагодарила Бога, что она не газель.

Она повернулась и махнула рукой в царственном приветствии:

– Проходите. Садитесь.

Вошедшие мужчины разместились на стареньких стульях, заскрипевших под их весом. Дженни продолжала стоять.

– Нед, чем я сегодня могу вам помочь?

Юноша улыбнулся ей, радостно и открыто.

– Знаете, Блейкли и я поспорили. Он уверен, что вы не способны предсказать будущее.

Так же думала и сама Дженни, однако с негодованием отвергала это предположение.

– Мы договорились, что он волен воспользоваться своей наукой, чтобы засвидетельствовать точность ваших предсказаний.

– Засвидетельствовать? Научно? – Слова сорвались с ее уст, и что-то кольнуло внутри. Дженни прислонилась к стоящему перед ней столу, ища опоры. – Ну хорошо. Это будет... – *Неприятно? Неуместно?* – Это будет... У меня нет возражений. А как он собирается это сделать?

Нед кивнул кузену:

– Давай же, приступай, Блейкли. Спроси ее что-нибудь.

Лорд Блейкли оперся о спинку стула. До этого момента он не произнес ни единого слова, хотя и скользнул презрительным взглядом по комнате.

– Ты хочешь, чтобы я спросил ее о чем-нибудь? – Он говорил медленно, делая ударение на каждом слове. – Я обычно спрашиваю логику, а не старую шарлатанку.

Нед и Дженни одновременно воскликнули.

– Она не шарлатанка! – возмущенно заявил Нед.

Однако Дженни разгневанно уперла руки в бока совсем по другой причине.

– Тридцать, – заявила она, – это совсем не старость!

Нед посмотрел на нее округлив глаза. Мертвая тишина воцарилась в комнате. Можно представить, до какой степени она раздражена, если полностью позабыла роль мадам Эсмеральды. Нет, она говорила как оскорбленная женщина.

И это не укрылось от внимания маркиза. Взгляд золотисто-карих глаз скользнул по ее повязанной платком голове, остановился на кричащей юбке, полностью скрывавшей талию.

¹ Ярды – мера длины, равная 3 футам, или 91,44 см. (Здесь и далее примеч. пер.)

Этот взгляд словно обладал способностью видеть сквозь многочисленные слои ее жалких одежек. И оценивал он ее определенно как мужчина. У Дженни задрожали руки.

Он отвернулся. Странная ухмылка, презрительный вздох... Она, похоже, его больше не интересовала.

Дженни была не леди, ее социальное положение ничего не значило для лорда Блейкли. Она вовсе не та женщина, при встрече с которой на улице принято приветственно снимать шляпу. Ей следовало бы уже давно привыкнуть к такому отношению, но под всей броней из множества юбок она почувствовала себя хрупкой, как кучка высушенных картофельных очисток, готовых разлететься от любого дуновения ветра. Дженни так сжала кулаки, что ногти буквально впились в ладони.

Мадам Эсмеральду не должны заботить мужские интересы. Мадам Эсмеральда никогда не позволяет себе сердиться. Дженни проглотила комок в горле и таинственно улыбнулась.

– И я к тому же не шарлатанка.

Лорд Блейкли вопросительно поднял бровь.

– Это еще надо доказать, а поскольку у меня нет никакого желания спрашивать вас о себе, думаю, Нед сделает это вместо меня.

– Я уже спрашивал! – Нед принялся оживленно жестикулировать, – Спрашивал *обо всем на свете. О жизни и смерти.*

Взгляд лорда Блейкли выражал крайнюю степень изумления. Несомненно, он воспринял драматическое восклицание Неда как свойственную юности любовь к преувеличениям. Но Дженни было известно, что это – правда. Два года назад Нед вошел к ней в комнату и задал простой вопрос, изменивший жизнь их обоих: «Можете ли вы назвать причины, по которым мне не стоит убить себя?»

Вначале она не хотела брать на себя какую-либо ответственность. Ее первым побуждением было отгородиться от мальчишки, заявить, что на самом деле она совсем не способна предвидеть будущее. Однако, чуть поразмыслив, поняла, что просьба Неда не относилась к категории вопросов, которые девятнадцатилетние юноши часто задают незнакомцам, пытаясь рационально решить проблему выбора жизненного пути, поиска своего призвания, нет, мальчик спрашивал ее просто потому, что оказался в тупике.

И Дженни солгала. Она сказала, что видит в его будущем только счастье, что у него есть много причин, чтобы жить. Он поверил ей. Со временем юноше удалось справиться с постигшими его несчастьями, и теперь он стоял перед ней, практически полностью довольный самим собой.

Это можно было бы рассматривать как личную победу, как доброе дело, которое, несомненно, в свое время зачтется Дженни. Однако в тот первый раз она не только забрала его отчаяние. Она взяла и его деньги. И с тех пор они оказались связанными тесными путами золота и лжи.

– Жизнь и смерть? – Лорд Блейкли брезгливо дотронулся пальцем до дешевой ткани, накинутой на расшатанные стулья. – Ну, тогда у вас точно не будет проблем с моим гораздо более прозаичным предложением. Я уверен, вам известно, что Нед должен заключить брак. Мадам... Эсмеральда, кажется, так вас называть? Почему бы вам не сказать мне, мадам Эсмеральда, имя женщины, его будущей избранницы?

Нед напрягся, у Дженни пошел по спине неприятный холодок. Одно дело советы, окутанные дымкой мистики и тайны. Но Дженни прекрасно знала, что Нед избегает супружества, и на это у него были основания. Она вовсе не хотела поставить его в неловкое положение.

– Духи не могут раскрыть мне подобных деталей, – ответила она туманно.

Маркиз достал из кармана свинцовый карандаш и облизнул его. Он согнулся над альбомом для записей и сделал в нем пометку. «Не может предсказывать будущее с точностью». Он косо посмотрел на прорицательницу:

– Это будет чертовски быстрая проверка ваших способностей, если вам не удастся предложить нам что-нибудь более стоящее.

Пальцы Дженни конвульсивно сжались в приступе гнева.

– Нет, я могу вам сказать, – медленно начала она, – в космическом смысле вещей он встретит ее скоро.

– Вот! – торжествующе провозгласил Нед. – Вот тебе твоя точность.

– Гм. – Лорд Блейкли нахмурил брови, рассматривая только что записанные им слова. – Выражение «космический смысл» следует понимать как то, что космос не знает времени и возраста? Не важно, что за девушку и когда встретит Нед, вы всегда сможете утверждать, что это произошло «вскоре». Пойдем, Нед. Ты все еще считаешь, что она обладает тайными знаниями?

Дженни сжала губы и резко повернулась всем корпусом так, что ее юбки со свистом взвились над лодыжками. Блейкли невольно проводил ее взглядом, однако, когда Дженни украдкой посмотрела на него, он отвернулся.

– Конечно, я могу приоткрыть вам и гораздо более точные детали. В древние времена предсказательницы прорицали грядущее по внутренностям мелких животных, например голубей или белок. Я познала и это искусство.

Лорд Блейкли посмотрел на нее с явным сомнением:

– Вы собираетесь потрошить голубя?

У Дженни екнуло сердце в предвкушении открывшейся ей перспективы. Она так же была не способна выпотрошить голубку, как и честно добыть средства на жизнь. Но что ей сейчас действительно необходимо, так это смутить заносчивого маркиза, отвлечь его внимание.

– Мне надо достать необходимые инструменты, – сказала она.

Дженни нырнула за полупрозрачную темную занавеску, скрывавшую повседневную обстановку ее жалкого жилища от глаз клиентов. Ей на глаза попался мешок, стоящий на маленьком столике в углу комнаты, в котором лежали только что принесенные с рынка покупки. Она подхватила его и вернулась к клиентам.

Джентльмены внимательно уставились на Дженни, которая внезапно появилась из облака полупрозрачной ткани, держа в руках холщовый мешок. Его она поставила перед Недом и торжественно провозгласила:

– Нед, в этом мешке сокрыто ваше будущее. Ваши руки должны послужить инструментами судьбы. Что ждет вас? Вы сами узнаете это, раскройте его.

Нед поднял голову и внимательно посмотрел на нее. Взгляд его влажных карих глаз встретился с ее настороженным взором.

Лорд Блейкли изумленно уставился на предсказательницу:

– Вы держите зверюшку в мешке, просто на всякий случай? Что же за ужасное вы создание?

Дженни безжалостно подняла бровь.

– Я ожидала вас обоих. – Поскольку Нед все еще колебался, она вздохнула. – Нед, мои советы когда-либо причиняли тебе неприятности?

Увещевания Дженни возымели свое действие. Нед задержал дыхание и осторожно просунул руку в мешок, скривив губы от отвращения. Выражение его лица быстро менялось, переходя от тошнотворного ужаса к смущению. Отбросив колебания, он решительно схватил что-то рукой. Недовольно покачав головой, он вытянул руку и разжал кулак.

На мгновение оба мужчины застыли, уставившись на предмет всеобщего внимания. Он был очень яркий. Он был круглый. Это был...

– Апельсин? – Лорд Блейкли недоуменно потер лоб. – Не совсем то, что я ожидал. – Он сделал еще одну запись.

– Мы живем в просвещенные времена, – пробормотала Дженни. – Теперь вы знаете, что делать. Приступайте. Распотрошите его.

Нед повертел фрукт в руках.

– Никогда не думал, что в апельсинах есть потроха.

Дженни оставила это замечание без ответа.

Лорд Блейкли выудил из сюртука изящную коробочку и достал оттуда блестящий серебряный перочинный нож. Его лезвие покрывала гравировка с изображением лавровых листьев. А что еще можно ожидать, ведь даже нож свидетельствовал о благородном происхождении его владельца. Его сиятельство, без сомнений, избрал этот рисунок, чтобы еще раз подчеркнуть, сколь высокое положение занимает он на социальной лестнице. Маркиз вытащил оружие из ножен с такими же формальностями, будто собирался поупражняться на шпагах.

Нед благоразумно последовал его примеру. Он положил жертвенный цитрус перед собой на стол и одним осторожным движением рассек его. Юноша глубоко пронзил апельсин и, твердо держа в руках нож, начал крошить его на мелкие кусочки. В какой-то момент Дженни поймала себя на мысли, что она сожалеет о напрасно потраченном времени на послеобеденную уборку стола, поскольку все вокруг оказалось испачканным брызгами сока и мякотью апельсина.

– Достаточно. – Она потянулась вперед и задержала рукой следующий удар. – Он уже мертв, – серьезно объяснила предсказательница.

Нед отдернул руку и кивнул. Лорд Блейкли забрал нож и аккуратно протер его носовым платком.

Дженни задумчиво взглянула на «тело». Это был апельсин. Некогда он был весьма сочным, и придется потратить немало времени, чтобы привести все в порядок. Самое главное, у нее появилась возможность присесть и подумать, чего бы сказать такого мистического и таинственного, право дело, единственное оправдание всего этого абсолютно бесполезного упражнения.

Лорд Блейкли требует деталей. Однако в профессии Дженни детали всегда являлись врагами.

– Что же вы видите? – спросил Нед взволнованным голосом.

– Я вижу... я вижу... слона.

– Слона, – повторил лорд Блейкли, записывая ее слова. – Надеюсь, ваше предсказание этим не исчерпывается, если, конечно, мой дорогой Нед, ты не планируешь жениться на *Genus Loxodonta*².

Нед моргнул:

– Локсо что?

– Относящейся к толстокожим.

Дженни проигнорировала этот обмен репликами.

– Нед, у меня возникли некоторые сложности с созданием мысленного образа леди, на которой вы должны жениться. Скажите мне, пожалуйста, каков ваш идеал женщины?

– О, она в точности такая же, как вы, – проговорил Нед, не испытывая ни малейшего сомнения, – только чуть моложе.

Дженни недоуменно сглотнула.

– Что вы имеете в виду? Она умная? Остроумная?

Нед в затруднении почесал подбородок.

– Нет, я имею в виду, она должна быть надежная и честная.

Мгновенно таинственная улыбка испарилась с лица Дженни, и она уставилась на него, не в силах прийти в себя от смущения и ужаса, буквально сразивших ее. Если это пример того, как Нед оценивает людские характеры, то он женится в лучшем случае на уличной воровке.

² Genus Loxodonta – латинское название африканского слона.

Рука лорда Блейкли замерла над его записями. Бесспорно, его мнение на этот счет полностью совпадало с мнением Дженни.

– Что? – возмущенно произнес Нед. – Почему это вы оба так уставились на меня?

– Я, – заговорил наконец лорд Блейкли, – это я – надежный. А она, она...

– Вы, – внезапно перейдя на вы, резко возразил Нед, – вы – холодный и расчетливый. Я знаю мадам Эсмеральду уже целых два года. И за это время она стала для меня семьей, семьей в настоящем смысле этого слова, более чем кто-либо еще. Поэтому будьте добры больше не говорить о ней в таком тоне.

Взгляд Дженни затуманился, а голова поплыла. У нее никогда не было возможности почувствовать, узнать, что такое семья. Все, что она помнила, – так это незабвенный пансион, обучение в котором было оплачено неизвестным благодетелем. Будучи еще совсем маленькой девочкой, Дженни Кибл осознала, что она одна против всего мира. Это и привело ее к занятию такой профессией – твердая уверенность в том, что ей никто и никогда не поможет, а лишь обманет и погубит. Единственным и «честным» выходом представлялось ей лгать всем в ответ.

Однако слова Неда пробудили в ней затаенную тоску, страстное желание несбыточного. Семья представилась ей полной противоположностью той одинокой жизни, которую вела она, жизни, где даже друзья достаются обманом и фальшью.

Но Нед еще не закончил гневную отповедь кузену:

– Ты смотришь на меня как на подобие инструмента, орудия, которым можно воспользоваться, когда тебе удобно. Довольно, я устал от этого. Найди себе жену. Роды своих наследников. Я больше не могу служить для удовлетворения твоих эгоистичных интересов.

Дженни смахнула слезы и снова взглянула на Неда. Его знакомые юные черты стали твердыми как гранит. Она понимала, конечно, что, несмотря на всю эту браваду, он боится старшего брата. Однако мальчик победил свой страх и повел себя как мужчина. Ради нее.

Она не была семьей Неда. Она не была даже его настоящим другом. Невзирая на все, что произошло между ними, она по-прежнему оставалась мошенницей, вытягивающей из него фунты в обмен на фальшивые банальности. А теперь он просит ее еще об одной порции лжи.

Хорошо. Дженни отбросила бесполезные сожаления. Если обман – это все, что у нее есть, она воспользуется им. Однако она спасала жизнь Неда вовсе не ради удобства его высокопоставленного кузена.

Лорд Блейкли негодовал. Едва сдерживаемая ярость, надменное и холодное выражение плотно сомкнутых губ свидетельствовали о том, что для него Нед был всего лишь вещью. Его сиятельство, лорд Блейкли, полагал, что своим интеллектом и происхождением превосходит любого, находящегося в этой комнате, и он заставит их жалкие умишки признать этот несомненный факт.

Значит, он считает себя неизмеримо выше своего двоюродного брата? Хорошо, маркиз пожалеет, что он вообще завел речь о подробностях.

– Нед, вы недавно получили приглашение на бал, не правда ли?

Он приподнял бровь.

– Да, это так.

– А что это за бал?

– Очередное дурацкое скопление входящих и выходящих людей, полагаю. У меня нет ни малейшего желания туда ехать.

Событие предполагало быть многообещающим. Вне всяких сомнений, на нем обязательно будет присутствовать множество юных леди. Дженни почти почувствовала сладкий вкус мести на кончике языка.

– Вы пойдете на этот бал, – произнесла она, а потом широко простерла руки, указывая на обоих джентльменов. – Вы оба пойдете на этот бал.

Лорд Блейкли выглядел сбитым с толку.

– Я не вижу супруги Неда в апельсине. Но я настаиваю на том, что ровно в десять часов тридцать девять минут *вы*, лорд Блейкли, увидите женщину, на которой женитесь. Женитесь обязательно, если подступитесь к ней так, как я вам укажу.

Скрип карандаша лорда Блейкли гулким эхом отдавался в наступившей тишине. Закончив писать, он аккуратно убрал все письменные принадлежности в карман.

– Милорд, вам было угодно возжелать провести научный эксперимент? – Дженни удовлетворенно сложила руки на столе. – Вот он перед вами.

Если бал окажется таким же многолюдным, как обычно это бывает, то он увидит вокруг себя дюжину молоденьких девушек. Ему никогда не удастся проследить за всеми ними. Она представила, как он переписывает их имена в альбом для записей, как, понуждаемый своим научным методом, пытается завязать разговор с каждой, хотя бы для того, чтобы просто исключить ее. Его сиятельство достигнет высшей степени раздражения. И *никогда* не сможет доказать, что она ошиблась, поскольку кто скажет, что ему удалось переписать всех женщин?

У Неда от удивления открылся рот. Его рука медленно потянулась, чтобы скрыть торжествующую улыбку.

– Вот, – произнес он, – тебе довольно деталей?

Лорд Блейкли поджал губы.

– По чьим часам?

Одно возможное оправдание было выбито из рук Дженни. Не стоит беспокоиться, у нее есть и другие.

– Я думаю, ваши карманные часы вполне подойдут.

– У меня их двое, и я ношу их время от времени.

Дженни нахмурилась.

– Но одни из них достались вам по наследству от отца, – предположила она.

Лорд Блейкли кивнул.

– Должен отметить, это невероятно детализированное предсказание. Исключительно в научных целях, объясните мне, пожалуйста, как вы получили все это из слона?

Дженни округлила глаза с видом оскорбленной невинности.

– Почему бы и нет, лорд Блейкли. В точности так же, как я получила слона из апельсина. Духи открывают сценки и образы перед моими глазами.

Его передернуло. Дженни не могла дать волю своему триумфу, поэтому выражение ее лица оставалось таким же неизменным и таинственным, как обычно.

– Так что же? – возобновил прерванную беседу Нед, обращаясь к своему двоюродному брату. – Ты согласен?

Лорд Блейкли моргнул.

– Согласен с чем?

– Если ты найдешь ту самую молодую леди, о которой мы сейчас говорили, и влюбишься в нее, то тебе придется признать, что мадам Эсмеральда не шарлатанка.

Лорд Блейкли снова моргнул.

– Я не собираюсь влюбляться. – Он говорил об этом чувстве голосом столь же деревянным и недвижимым, как старое, рассохшееся лошадиное корыто.

– А если все же это произойдет? – настаивал Нед.

– Если так случится, – медленно произнес лорд Блейкли, – я признаю, что случай ее лживости не получил научного подтверждения.

Нед хмыкнул.

– Ну, для тебя это равноценно признанию. Следовательно, ты прибегнешь к услугам мадам Эсмеральды сам и позволишь мне это делать.

Долгая пауза.

– Это очень большая ставка. Если бы это было пари, что бы ты поставил?

– Тысячу гиней, – немедленно отозвался Нед.

Дженни впала в состояние близкое к шоку. Она считала себя необыкновенно богатой, имея всего лишь четыре сотни фунтов, которые ей удалось сэкономить всеми правдами и неправдами и хранить в надежном месте. Она не могла и представить себе сумму в тысячу фунтов, а Нед был готов выбросить ее, как яблочный огрызок.

Лорд Блейкли презрительно взмахнул рукой.

– Деньги, – скривившись, произнес он. – Что проку нам от этой ничтожной суммы? Нет. Ты должен рискнуть чем-то действительно ценным. Если ты проиграешь, то никогда больше не обратишься за советом к мадам Эсмеральде или любой другой предсказательнице судьбы.

– Согласен, – улыбаясь, произнес Нед. – Она всегда оказывается правой. У меня нет шансов проиграть.

Дженни не могла заставить себя посмотреть юноше в глаза. Он, безусловно, останется в проигрыше. Что случится, если он усомнится в своей многолетней уверенности в Дженни? Если обнаружит, что обязан всем своим нынешним счастьем сомнительной пользе ее выдумок? И Дженни не могла не внести в этот список еще один, очень личный вопрос: что случится, если Нед узнает правду и разорвет их нынешние тесные отношения? Он оставит ее, и Дженни окажется одна.

Снова.

Она сделала медленный вдох, надеясь, что холодный воздух поможет ей успокоиться. Джентльмены отправятся на бал. Лорд Блейкли будет внимательно смотреть вокруг себя. Насколько она себе это представляла, он мог даже жениться на женщине, которую встретит. А если Блейкли отвергнет всех женщин, чьи имена ему удастся переписать, она скажет ему, что он видел нужную женщину в назначенное время, но не заметил ее.

Сделка не состоится, и она не увидит, как разлитая в глазах Неда пылкая признательность превратится в презрение. Пульс Дженни замедлился, ее дыхание стало ровным.

Лорд Блейкли вновь уселся на стул.

– Мне только что пришла в голову одна мысль.

От мелькнувшего в его взгляде дьявольского огонька у Дженни похолодела кровь в жилах. Что бы ни собирался сказать этот ужасный человек, вряд ли он придумал это сейчас.

– Что помешает ей заявить потом, что я предназначался совсем иной женщине? Что в условленное время я встретился с двумя леди и выбрал не ту?

Он видел ее насквозь. По пальцам Дженни побежали мурашки.

Нед нахмурился:

– Я не знаю. Думаю, если это случится, мы разорвем пари.

Маркиз покачал головой:

– У меня есть идея получше. Поскольку мадам Эсмеральда уже все рассмотрела в своем апельсине, она сможет немедленно подтвердить личность девушки.

Он встретился с ней глазами, и все мысли Дженни – беспокойство за Неда, сковавшее ее одиночество, – проступили наружу под его пристальным, инквизиторским взглядом.

Губы его сложились в сардоническую усмешку.

– Мы возьмем ее с собой.

Глава 2

Гарет Кархарт, лорд Блейкли, отводил на это мероприятие не более часа. Пятнадцать минут, чтобы добраться до шарлатанки, пятнадцать минут на дорогу домой. Получаса, полагал он, будет вполне достаточно, чтобы доказать лживость и фальшивость ее предсказаний.

– Я не могу пойти. – Голос мадам Эсмеральды звучал мягко и неуверенно.

– Ну а почему бы и нет? – Нед повернулся к ней, стгорая от любопытства. Юный кузен Гарета сидел, положив руки на колени, повернувшись к этой женщине всем корпусом. И именно в ней заключались основные проблемы Гарета.

Когда Гарет покинул Англию много лет назад, Нед был еще ребенком, плачущим и стремящимся забраться на ручки при всякой возможности. Теперь ему почти двадцать один год, но он по-прежнему был столь же уязвим и беспечен. И верил каждому ее слову.

После смерти отца Гарет остался единственным его старшим родственником с мужской стороны. Лорд посчитал себя ответственным за Неда и не мог позволить, чтобы его юный кузен попал в руки лживой гадалки.

– Я уверен, что у мадам Эсмеральды есть вполне законный повод отклонить наше предложение. – Гарет вздернул бровь и внимательно уставился на женщину, потом усилил хватку. – Полагаю, у нее уже назначена другая встреча на это время.

Надо позволить ей согласиться. И когда она это сделает, он спросит у нее место и дату бала. Задача окажется ей не по зубам, и, несмотря на всю свою хваленую силу, она будет вынуждена положить конец этой глупой шараде, даже толком ее не начав.

Но она не воспользовалась предложенным ей легким выходом. Ее ноздри гневно раздулись, губы сжались.

– Вы пытаетесь посмеяться надо мной, милорд.

Гарету едва удалось скрыть удивление, гордо воздев подбородок.

– Уверяю вас, – произнес он холодно, – у меня не было подобных намерений.

Она округлила глаза.

– Вы желаете, чтобы это был научный эксперимент? Пусть это будет научный эксперимент. Но не устраивайте никаких словесных капканов. И никогда мне не лгите. Вы задумывали именно это.

Ее гневная вспышка настолько наэлектризовала атмосферу вокруг них, что он ощутил легкое покалывание вздыбившихся на руках волосков. Мадам Эсмеральда близко наклонилась к нему, подхватив юбки руками. Уже давно никто не позволял себе разговаривать с ним таким тоном и в такой манере. Да, он *лгал* ей, он хотел завлечь ее в ловушку ее же руками. Он только не ожидал, что она так быстро разгадает его замысел.

– Вы пытаетесь отойти от темы, – обвинил он Дженни. – Почему вы отказываетесь пойти на бал?

– Потому что я не была на него приглашена, – выпалила она и смущенно посмотрела в пол. – А кроме того, мне нечего надеть.

Нед издал громкий смешок.

И неудивительно. Абсурдная, типично женская отговорка. Блейкли снова окинул ее взглядом. И в тот самый момент, была ли тому причиной игра света или внезапная вспышка возбуждения, изменившая выражение ее глаз, – Гарет почувствовал резкий толчок. Да, мадам Эсмеральда – не леди, но она определенно женщина, да еще какая. Она скрывает свою женственность под слоем жуткой косметики и пестрым платком. Опять ложь, на этот раз выраженная в тряпках и пудре, а не в словах. Он представил себе, как будет выглядеть эта роскошная масса волос, если распустить их и снять дешевый платок. Она подняла голову и встретилась с ним взглядом.

Гарет не верил в предсказания судьбы. Он был ученым и провел много лет в научных экспедициях в джунглях Бразилии. Вернуться в Англию новоиспеченного лорда Блейкли заставила кончина его деда и последовавшая вместе с титулом ответственность перед семьей. И здесь он оказался именно из-за той же самой ответственности, требовавшей вырвать юного кузена из лап коварной мадам Эсмеральды. Было это еще и делом его личной гордости, простого самоуважения, для удовлетворения которого следовало разорвать, уничтожить мыльный пузырь нелогичных суеверий, воплощенных в этой женщине.

Однако разоблачение лживых речей мадам Эсмеральды могло потребовать гораздо более одного часа, самоуверенно отведенного на это Блейкли. Он был раздражен, он был взбешен, но не мог вывести на чистую воду эту чертову мадам.

За тот год, что провел в Англии, лорд Блейкли еще ни разу не сталкивался с настоящими трудностями, с достойными его интеллекта задачами. Теперь это случилось, и ему доставит высшую степень морального удовлетворения разоблачить подлинную сущность мошенницы.

Он уже с удовольствием представлял, как ему предстоит помериться с ней интеллектом, как он добьется от нее правды.

Гарет щелкнул пальцами.

– Приглашение, – сказал он, – я устрою. И одежду – устрою. Во имя науки я готов и на большее.

– О нет. Я не могу, – снова отвернулась она. – Не могу позволить себе...

Разрозненные фрагменты стали постепенно складываться в сознании Гарета в единую картинку. Реверанс, который она исполнила с правильностью, доведенной до автоматизма. Интонации и манера построения фраз, выдававшие образованного человека. Отвращение, с которым она встретила предложение от мужчины купить ей одежду. Все эти факты могли свидетельствовать только об одном – мадам Эсмеральда получила образование, обычное для девушек из высших слоев общества. Что же, во имя всего святого, могло заставить ее заниматься предсказаниями будущего?

– Конечно вы сможете, – настаивал он. – Мадам Эсмеральда, если это научный эксперимент, вы также не должны меня обманывать.

Что-то промелькнуло в ее глазах. Она тряхнула головой – не отрицательно, а таким легким, коротким движением, будто раскладывая все по полочкам. И когда она снова взглянула на него, лицо ее было спокойным.

Она что-то задумала, догадался Гарет. Она нашла выход из неприятностей, в которые он ее вовлек.

Ему следовало бы обеспокоиться.

Но он не мог дождаться, как бы поскорее разрушить ее планы.

* * *

И очень скоро Гарет пожалел о своей поспешности. Он не мог себе представить, что поиск для мадам Эсмеральды достойного туалета обернется тяжелым испытанием. Нед решил, что ему просто необходимо самому сопровождать гадалку к портнихе. Гарет прекрасно представлял, что достаточно всего на мгновение оставить его с этой женщиной, как она немедленно придумает, чем задурить ему голову.

Именно поэтому в конечном итоге Гарет и оказался на следующий день в своем тесном экипаже в компании кузена, занятого непрерывной болтовней, мошенницы и все более усиливавшейся головной боли.

– Так вот, – продолжал заливаться соловьем Нед, – мы собираемся на бал в следующий четверг, и там обязательно встретим будущую женушку Блейкли. Хотел бы увидеть его влюбленным. Просто не могу дождаться.

Мадам Эсмеральда повязала голову платком, на этот раз – красным, и бросила внимательный взгляд на Гарета.

– Оpozнание.

– Оpozнание? – повторил недоуменно Нед. – Что вы подразумеваете под опознанием?

– Нам надо будет опознать искомую молодую леди. Я никогда не говорила, что ваш кузен обязательно встретит ее в этот день. На самом деле, время их встречи еще не пришло.

Гарет раздраженно выдохнул:

– Не пришло? Да сколько это может продолжаться?

В ее глазах промелькнула едва заметная улыбка.

– О, не могу сказать с уверенностью. Время в данном случае будет измеряться не годами, а задачами. Три задачи.

– Задачами, – недоверчиво повторил Нед.

– Задачами? – резко воскликнул Гарет. – Вы раньше ничего не говорили про задачи.

– Да? И что же я, интересно, *говорила*? – спросила она, невинно возведя очи вверх.

Гарет достал свои записи и открыл нужную:

– «Ровно в десять часов тридцать девять минут вы увидите женщину, на которой жени-тесь, если подступитесь к...». – Он поперхнулся и поднял глаза.

Невинное выражение испарилось с ее лица. Она прекрасно помнила, что сказала в тот раз, и вовлекла его в это, чтобы, несомненно, выставить дураком.

– Если я подступлюсь к ней указанным вами образом. – Она улыбнулась. – Ну а я предписываю задания.

Он чувствовал себя таким умным, расставив ей ловушку и принудив произнести легко опровергаемое утверждение. Все, что ему оставалось, думал он, – так это ни на ком *не* жениться. Всю предшествующую жизнь ему это прекрасно удавалось. Он был слишком уверен, слишком убежден, что загнал ее в угол.

Лорд Блейкли недооценил Дженни. Он так хотел поскорее выиграть, опровергнуть ее утверждения, что не заметил лазейку, которую она себе оставила.

Он мог бы бросить эту затею в любой момент. Но если он так поступит, ее влияние на Неда останется непоколебимым.

– *У меня* никогда не было заданий, – обиженно пробормотал Нед.

– Естественно, не было, – утешила его мадам Эсмеральда. – Только представьте себе, сколь грандиозным предприятием будет для вашего кузена убедить даму позаботиться о нем. Если я не дам ему заданий, он применит свою логику, и вы можете себе представить, чем это для всех обернется. Вам не нужны задания. Все и так любят вас.

Гарет стиснул кулаки, едва сдерживая гнев, и впился костяшками пальцев в кожаные подушки экипажа.

– И в чем же, – отрывисто произнес он, – заключается первое задание? Вычистить авгиевы конюшни? Убить льва? Или я должен вырубить целую плантацию цитрусовых?

Она прижала палец к губам.

– Конечно, немного рановато открывать вам эту тайну, но, полагаю, это никому не повредит. Вы должны будете вырезать фигурку слона из кости.

– Слона? – Гарет возвел очи к потолку. – Ну почему же всегда одни слоны?

Экипаж замедлил ход и остановился. Лакей открыл дверцу, и хлопья пыли взвихрились в ярких лучах солнца, осветивших лицо мадам Эсмеральды. Она выглядела... выглядела таинственно, черт бы ее побрал.

– Я, – сказала мадам Эсмеральда, – всего лишь жалкий канал, по которому духи транслируют свою волю. Ну а вы будете каналом для слонов. Вы подарите своей будущей жене слона, когда впервые ее встретите.

Ее глаза светились лукавством, а весь вид выражал высшую степень покорности и повиновения. Гарет издал жалобный стон.

Несомненно, он придумает, как вручить столь странный подарок, не уронив своего достоинства. И если она решила сделать из лорда Блейкли дурака, то она просчиталась. Однако скорее всего она просто хочет поставить его в тупик. Если она выдумает еще парочку столь же эксцентричных заданий, то эта проклятая гадалка уверена, что он отступится. А поскольку ее задания окажутся невыполненными, у него не будет доказательств ее мошенничества – и его кузен останется верен ее дурацким советам. Неприемлемо.

Судя по торжествующей поступи, с которой Дженни поднималась по ступенькам магазина, она придерживалась того же мнения.

Едва лорд Блейкли вошел в лавку, мозг его принялся лихорадочно искать выход из создавшегося положения. Он не обращал внимания на разговоры Неда и мадам Эсмеральды о какой-то, совершенно не относящейся к делу чепухе. Отрезы ярких многоцветных тканей украшали помещение, однако в его сознании они казались серыми тенями. Он даже не заметил, что бесцельно меряет шагами комнату, и едва разглядел мадам Эсмеральду, скрывшуюся в примерочной, расположенной в другом конце лавки. Ему хотелось сорвать со стены картинку с модными нарядами и порвать образцы тканей, разложенные в произвольном порядке на столе.

Гарет не любил проигрывать. Нет, он не даст одолеть себя какой-то обманщице. Ему нравилась эта игра, пока лорд был практически уверен, что победил цыганку. Однако ситуация сильно изменилась не в его пользу, и именно тогда, когда он почти предвкушал радость победы.

Задачи. Нет, это не может так дальше продолжаться.

Он повернулся к Неду, ерзавшему в нетерпении на краешке стула.

– Нед, – обратился к нему Гарет.

Юноша внимательно посмотрел на него.

– Как ты думаешь, мадам Эсмеральде понадобится шаль?

– Полагаю...

– Так иди и купи ее ей. – Гарет достал из кошелька несколько банкнот.

Нед нахмурился, его пальцы нервно согнули купюру.

– Почему бы модистке не подобрать ей что-нибудь подходящее? Все, что мне известно о женских шالях, можно вместить...

Гарет окинул Неда холодным взглядом:

– Думаю, шаль будет больше значить для нее, если ты выберешь ее лично. Как считаешь?

Несмотря на то что Неду эта идея не пришлась по душе, Гарет быстро справился с его робкими протестами, и вскоре кузен покинул лавку.

Дверь в мастерскую оставалась открытой. Оттуда показалась одна из портних, держа в руках красочный отрез шелка.

Гарет сделал глубокий вздох. Эта дурацкая шарада слишком затянулась.

– Мадам в состоянии меня принять?

Она чопорно вздохнула:

– Да, милорд. Как пожелаете, милорд.

Он остановился на пороге указанной служанкой комнаты. У ближайшей стены стояло большое зеркало, и отраженный в нем силуэт заставил маркиза поперхнуться, буквально застыв на месте.

Округлые бедра, высокая грудь. На мадам Эсмеральде не было надето модное платье. На ней не было надето практически ничего – кроме тонкой прозрачной длинной рубашки. Скорее всего, швея решила, что он любовник предсказательницы, иначе никогда бы не позволила ему сюда войти. Он непроизвольно сделал шаг вперед, устремившись к ней всем телом, подобно тому, как растения тянутся к солнцу.

Господи! Под этими цветастыми юбками, валявшимися теперь жалкой кучкой у ее ног, у мадам Эсмеральды была талия. У нее была потрясающая грудь. Находясь от нее на расстоянии пяти ярдов, он видел очертания ее ног, просвечивающие сквозь полупрозрачный муслин. Гарет разглядел даже твердые шишечки сосков. Роскошная грива волнистых волос скрывала спину, доходя до талии.

И она вовсе не относилась к популярному в обществе типу грациозной сильфиды. Нет, ее можно было скорее сравнить с греческой богиней плодородия, с округлыми, нежными формами. Ее полуоткрытые яркие губы замерли на мгновение, она словно застыла в ожидании кого-то, готовая увлечь его за собой...

Конечно, это ожидание вовсе к нему не относилось.

Слабый зов разума заставил Гарета остановиться. Однако в его голове больше не было места рациональным суждениям, нет, все, что там осталось, – это жадная страсть обладания. Его губы пересохли, и каждый мускул застыл в предчувствии, в ожидании явившегося ему чуда.

Дженни замерла, ее глаза расширились от охватившего ее ужаса. Если бы она была леди, он бы немедленно горячо извинился и покинул комнату. Однако ее принадлежность к иному социальному слою вовсе не способствовало благородству его реакций. Его сердце бешено забилося, и причиной тому был не просто представший пред ним образ прекрасной полуобнаженной женщины. Нет, он воочию ощутил, что именно так должно выглядеть искушение, которое она являла; оно манило его и подрывало его спокойствие. Уже давно никто не мог себе позволить потягаться с ним в интеллекте. Все это вызвало в нем страстное ожидание обладать, владеть ею. Заставить подчиниться во всем, в чем только женщина может подчиняться мужчине. Это была страсть, похоть в чистом и неприкрытом виде.

Эта женщина пытается сделать идиота из Гарета и простофилю из его юного кузена. Однако еще многое в ее личности было ему неясно. Поэтому он решил, что лучше всего будет спрятать его столь очевидную физическую реакцию под маской ледяной вежливости и светского поведения.

– Мадам Эсмеральда, – произнес Гарет, – вы победили. Не надо больше заданий. Не надо слонов.

Ее глаза сузились.

– Убирайтесь.

– Сотня гиней, если вы признаетесь Неду в своем обмане и исчезнете из нашей жизни.

Она набрала в легкие воздуха, ее грудь вздымалась от гнева и возбуждения. Она указала на дверь:

– Немедленно убирайтесь! Вон!

– Обдумайте мое предложение. Сомневаюсь, что вам удалось вытянуть из него больше за все ваше с ним знакомство. Скоро Нед перерастет ваши советы, а на эти деньги вы сможете прожить годы.

Дженни сделала глубокий вдох, ее потрясающие груди стали еще заметнее сквозь полупрозрачную рубашку.

– Я не уйду за сотню, – начала она.

Гарет попытался скрыть охватившее его желание за безразличным пожатием плечами.

– Две сотни.

Ее губы презрительно скривились, она гневно вскинула голову.

– Даже ни за две тысячи. Ни за десять.

– Да? – Он окинул оскорбительно-фамильярным взглядом ее рубашку. – Вы бы *сделали* это за десять тысяч, но вы сделаете это и за две сотни.

Она уставилась на него, ее пальцы сжались. Да, он заслужил пощечину, заслужил даже большего за нанесенные оскорбления. Если Гарет прав, и эта женщина действительно получила

хорошее воспитание, она не потерпит клеветы, только что высказанной им в отношении ее характера. Но он не мог позволить, чтобы она оставалась так близко подле него. Он боялся своей реакции, боялся того, что может случиться, если она окажется на расстоянии вытянутой руки.

– В самом деле, мадам, если вы оставите свой праведный гнев, то и сами поймете, что это лучшее решение для всех.

Гарет склонил голову в сардонически вежливом поклоне и отступил в сторону дверного проема. Он закрыл за собой дверь, и оскорбительно-насмешливое выражение исчезло с его лица.

Задыхаясь от бешенства, он прислонился к стене. Поединок между ними был уже не просто конфликтом из-за будущего Неда. Нет, он стал чувственным, стал сексуальным.

Мадам Эсмеральда обладала выдающимся интеллектом. Она была лживая, беспринципная особа. И если она только поймет, как на него действует, то непременно воспользуется открывшимися преимуществами. Однако еще более идиотским было его желание того, чтобы она так и поступила. Он хотел, чтобы она дурачила его, одурманивала его разум, пока он не потеряет контроль и возьмет ее.

Гарет сжал руки в кулак. В свое время, путешествуя по джунглям Бразилии, он собрал коллекцию из более тысячи насекомых. Теперь он заставил их предстать перед своим мысленным взором. Тараканы. Ядовитые, мохнатые гусеницы. Личинки. Он думал о самых отвратительных созданиях, населяющих землю. Он представлял, как они ползают, роятся, окутывают ее тело, ее кожу. Он запретил себе думать о чем-либо еще, пока возбуждение не спало и образ ее тела не испарился из памяти.

* * *

Дженни так и не обрела хладнокровия к тому моменту, когда, трясущимися руками, завершила облачение в многочисленные драпировки шутовского наряда мадам Эсмеральды. Она была крайне обеспокоена тем фактом, что весь этот эксперимент привел к распространению лживого образа мадам Эсмеральды за пределы обычной сферы деятельности Дженни. Ко всему прочему, ей пришлось молча стоять, пока швея, заподозрившая худшее в ее отношениях с лордом Блейкли, презрительно примеряла ей новый наряд, втыкая многочисленные булавки и подшивая ткани черновыми стежками.

Однако вершиной всего стало победоносное явление маркиза, поведшего себя так, будто уже овладел ее телом. Он даже не побеспокоился прикрыть глаза. Дженни не знала, что показалось ей более оскорбительным – взгляды, которыми он ее одаривал, или его предположение, будто она согласится бросить Неда, если только маркиз предложит ей достаточно высокую цену.

Никогда с того самого первого дня, первого *часа* ее не привлекали деньги Неда. Она просто не могла допустить, чтобы бедный мальчик страдал, находясь под властью своего бездушного кузена.

Дженни вбежала в приемную комнату с распущенными волосами, разметавшимися по плечам.

Лорд Блейкли стоял прислонившись к стене рядом с раздетым манекеном. Его глаза удивленно раскрылись, когда она раздраженно захлопнула за собой дверь. Она не дала ему пошевелиться, ткнув его пальцем в грудь и разгневанно уставившись на его сиятельство.

– То, что вы игнорируете все вокруг себя, за исключением сухих и бездушных фактов, вовсе не означает, что все можно измерить цифрами.

Он потрясенно взглянул на нее.

– Какого черта?

Дженни снова толкнула его пальцем в грудь.

– Существуют вещи, которые не поддаются исчислению. Вас не интересует, что на самом деле беспокоит вашего кузена или зачем он решил ко мне обратиться. И не важно, какие бы цифры вы избрали – вы никогда не сможете понять его. Ни при помощи сотни гиней, ни даже за тысячу.

– Очень хорошо. – Маркиз глотнул воздуха, устремив глаза в потолок. Он даже не потрудился взглянуть на нее. – Я больше не буду пытаться вас подкупить.

– Этого недостаточно. Если вы не будете считать деньги, то займетесь другими исчислениями. Посчитаете, сколько раз я сделала точные предсказания, вычислите, насколько подробно я описала то, что должно случиться. Да прибавьте сколько угодно цифр в наши с Недом отношения, вы все равно ничего не поймете.

Нед не доверял ей. Будь она проклята, если продаст его доверие за деньги. Она не позволит лорду Блейкли опустить ее до такого уровня.

Блейкли выпрямился.

– Вы можете отрицать факты хоть целый день, но именно на них строятся доказательства. Цифры и факты лишь основа для определенных выводов.

– Так вы называете то, что вы делаете, доказательствами, – резко возразила Дженни. – Нет, вы просто хватаете, протыкаете и прищипливаете. Вам совсем неинтересно действительно *подтверждать* что-либо.

– Да что вы понимаете в научных доказательствах?

– О да, вы относитесь к тем *ученым*, что ловят жучков и прищипливают их на картонку, чтобы изучить. А потом после нескольких месяцев упорных исследований их иссушенных останков делаете потрясающее открытие – оказывается, изучаемая особь мертва! И вы еще можете утверждать превосходство научных методов над человеческими эмоциями и чувствами!

Лорд Блейкли поднял голову и посмотрел на нее, словно пытаясь постичь некий скрытый смысл выражения ее лица.

– Я изучаю поведение животных. И для меня непереносимое правило – не убивать предмет исследований. Мертвые попугаи редко собираются в стаи.

– Нет нужды убивать аналогии, передергивая их, в дополнение к другим вашим прегрешениям.

Он окинул ее взглядом.

– Единственный вопрос, который меня волнует, – верите ли вы в собственную ложь или просто пытаетесь обмануть Неда. Я думаю, вы можете расценивать как комплимент с моей стороны идею, что вы слишком умны для последнего.

– Естественно. Вы не можете поверить в то, что невозможно попробовать или потрогать.

– Я верю в теорему Пифагора, хотя не могу попробовать ее. Я уверен, что есть некоторый смысл в теории Ламарка о наследовании приобретенных признаков. Но нет, я не верю в судьбу или предсказания будущего.

– В судьбу, предсказание будущего или в... чувства. – Дженни щелкнула пальцами перед его лицом. – Самые важные в жизни вещи нельзя собрать как пачку бумаги, чтобы сделать монографию.

Безразличие на его лице превратилось в холодную сталь.

– Монографию?

Она вздрогнула.

– Послушайте себя. Вы цитируете Ламарка вместо того, чтобы говорить о будущем вашего кузена. Я никогда не слышала вашего смеха. Я даже не видела, как вы улыбаетесь. Неудивительно, что Нед предпочитает слушать меня. Вы – холодный, бездушный автомат.

– Автомат? – Он пожал плечами и холодно отвернулся.

Дженни уже не было дела до его реакций.

– То, что вы столь же бесстрастны, как сухая коряга, и высохли, словно старая кость, вовсе не означает, что все вокруг вас должно одеревенеть и иссохнуть.

– Иссохнуть? – Его ноздри гневно раздулись, и подбородок пополз вверх, будто механическое повторение произносимых ею звуков предоставляло ему блестящие аргументы. Он взглянул на свою правую руку, непроизвольно сжавшуюся в кулак. Мускулы его шеи затвердели. Дженни отступила, слегка беспокоясь, что, возможно, перегнула палку. Мадам Эсмеральда никогда не позволяла гневу овладеть собой.

Он взглянул на нее, и ее сомнения замерзли, словно вода на морозе. В его глазах отразилась холодная, необитаемая пустыня, где гуляют вихри и кружат хлопья снега. Дженни почувствовала, как холод проник даже сквозь многослойный цыганский костюм, и ее пробил дрожь.

Когда лорд Блейкли заговорил, в его голосе совсем не чувствовалось эмоций.

– Вам бы следовало взять две сотни гиней. После всего того, что вы здесь устроили, мне доставит огромное удовольствие разоблачить вашу ложь.

* * *

К тому времени, когда карета подъехала к дому Блейкли, расположенному в сердце фешенебельного Мейфэра, где он жил в одиночестве, окруженный лишь многочисленной челядью, начал накрапывать дождь. Это был совсем не тот теплый тропический дождь, которым он привык наслаждаться в Бразилии, а холодная и безразличная изморось, типичное бедствие Лондона. Мелкие редкие капли проваливались в землю.

Так значит, он – холодный, бездушный автомат? Странно, почему тогда его так душит ярость. Гарет скрипнул зубами, вываливаясь из кареты. Слуги быстро окружили его, торопя зайти внутрь, прочь от непогоды.

Он отмахнулся от протянувшихся к нему рук.

– Оставьте меня. Я собираюсь на прогулку, – отрывисто бросил Гарет.

Слуги обменялись многозначительными взглядами – а его слуги часто обменивались взглядами, – но никто не мог помешать пэру³ делать то, что ему вздумается.

Прогулки – эксцентрическая привычка, усвоенная им еще в Бразилии. Для него это был единственный способ спокойно предаться размышлениям. Вернувшись на родину, он привез эту привычку с собой. Однако она доставляла ему в Лондоне гораздо больше неудобств. Улицы были покрыты мусором, не было ставшей уже привычной «крыши» над головой – ни раскидистых деревьев джунглей, ни плотного балдахина. Но в таком состоянии, как сейчас, – когда мысли его находились в полном разброде и витали в облаках, а тело готово воспламениться, словно большой кусок трута, – ему просто необходимо было побродить в одиночестве по пустым улицам Лондона.

Гарет нырнул в окутавшую его темноту. Холодный дождь ручьями лил ему за ворот, но даже он не мог затопить охватившее его пламя бешенства. Бесчувственный, как деревянная колода?

Мадам Эсмеральда ошибалась. Вовсе не наука убивает эмоции и чувства. Нет, виновато это проклятое место, эти люди, этот титул. Он провел годы в дождливых джунглях, где жизнь и цвет немедленно появлялись, если существовал лишь малейший шанс на выживание. А здесь одни геометрические кирпичные здания следовали за другими геометрическими кирпичными зданиями, отделенными друг от друга лишь постоянно растущими кучами грязи. Задвинутые ставни окон, свернувшиеся листья редких деревьев, пучки еле живой травы. Лондон казался

³ Пэрство – система дворянских титулов. Пэром Англии называли членов палаты лордов. Существует пять рангов наследуемого пэрства: герцог, маркиз, граф, виконт и барон.

безжизненным. Дождь смыл все вокруг, кроме въевшихся городских запахов – угольной вони и специфического душка холодного, влажного камня.

Если город казался одиноким и заброшенным, его обитатели были еще хуже. Он покинул Лондон одиннадцать лет назад, поскольку светское общество действовало на него удушающе. Лишь строгая логика научных рассуждений, четкость доказательств, контроль, который, как ему казалось, удалось получить над окружающим его пространством, не давали умереть его жизненным силам, подпитывали его ум и сердце после возвращения в этот ненавистный город. Он понял уже давно, что никогда не сможет почувствовать себя здесь своим. В течение последних месяцев только по утрам, проводимым им за изучением научных дневников, которые вел в Бразилии, он имел возможность удостовериться, что в нем еще сохранилось что-то от Гарета. Все остальное, что оставалось ему, – бесконечные обязанности лорда Блейкли, пэра Англии.

Гарет смахнул капли дождя с плеч и, вздохнув, огляделся. Он пробирался через кучи грязи и глины уже более получаса. Он промок до костей и, несмотря на яростные мысли и быстрый шаг, жутко замерз.

Неосознанно ноги привели его в ту часть Лондона, где жила мадам Эсмеральда. Улицы здесь были грязнее, чем в родном районе Гарета, коричневые ручьи окаймляли обильно покрытые лошадиным навозом камни мостовой. Однако квартал этот вовсе не относился к числу опасных. Жившим здесь семьям было далеко до респектабельности, но они стояли чуть выше черты бедности.

Он нашел ее окна. Почти у самого фундамента, под лестничным маршем. Они светились оранжевым светом, напомнившим ему о горячем чае и пылающем камине. Чувство гнева, горячее и нерациональное, поднялось в нем, когда он подумал, что она сидит в теплой, уютной комнате, а он рыщет под дождем, как какой-то грязный, мокрый африканский хищник.

Его реакция на нее была столь же нерациональной и нелогичной, как и сама мысль о гадалке, вопрошающей духов о грядущих событиях. Это было так же глупо, как и ее предложение посвататься к леди с фигуркой слона, вырезанной из кости. Так же необъяснимо, как отказ обманщицы взять несколько сотен гиней за ничегонеделание. Наверное, именно поэтому он направился к ее двери, тяжело ступая по холодной, мокрой лестнице, ведущей вниз.

У него внезапно возник образ того, как он спорит с ней, доказывает ей, объясняет сущность научных доказательств и доводов. Ему хотелось так же вышибить из нее дух своими словами, как это недавно сделала она с ним. Он мечтал, чтобы она почувствовала тот же дисбаланс, который сейчас ощущает он сам. Он надеялся победить, доказать ей, что она – не права, а он прав. Как глупо, как непродуманно, как...

Он постучал в дверь.

Он ждал.

Мадам Эсмеральда открыла дверь. Она держала в руках высокую свечу, пламя которой освещало ее лицо; он заметил, как расширились ее зрачки, когда женщина увидела, кто стоит на пороге. Она не произнесла ни слова – не пригласила его войти, просто встала в дверях и уставилась на него с нескрываемым любопытством.

На ней уже не было этого идиотского цыганского костюма. Напротив, ее фигура оказалась практически скрыта под простым темным шерстяным платьем. Лишь узкая полоска рубашки едва виднелась в горловине выреза. Эта деталь напомнила ему о дневном происшествии. О ее прекрасном, нежном теле, которое отделяло от его руки лишь два слоя одежды и немного проклятого воздуха. Комок застрял у него в глотке, темный туман окутал голову, затмив в сознании тщательно продуманную гневную филиппику.

Она обхватила себя рукой, словно это *ей* надо было защищаться от *него*.

– Знаете, как я докажу, что вы обманщица? – отрывисто бросил Гарет сиплым от волнения голосом.

Она продолжала с удивлением смотреть на него.

– Потому что вы не правы. Вы совершенно, абсолютно не правы.

Он попытался вспомнить заготовленную речь. *«Наука – это поиск ответов. Именно это возвышает нас над теми, кто не задается вопросами».*

Но прежде, чем начать, Гарет совершил колоссальную ошибку – он посмотрел в глаза мадам Эсмеральды. Он думал, что у нее черные глаза цыганки, но сейчас, с расстояния всего восемнадцати дюймов⁴, при ярком свете свечи он понял, что на самом деле они насыщенно голубого цвета.

От этого простого наблюдения кровь отлила от головы. Вся его четко спланированная защита научного строя мышления мгновенно испарилась. Вместо этого Гарет шагнул ей навстречу. Он позволил защитной завесе упасть с его глаз, позволил ей увидеть, что за ад творится в его душе.

Она втянула воздух.

– Почему вы сказали, что я не права? – Ее голос задрожал на последнем слове.

– Я – не автомат. – Слова возникли откуда-то из самой его глубины, возможно из области солнечного сплетения, во всяком случае, за их появление явно не был ответственен полностью отключившийся разум.

Гарет шагнул еще ближе. Она по-прежнему смотрела ему прямо в глаза, так же как и он не в силах отвести взгляд. Ее грудь поднималась и опускалась в соответствии с модуляциями ее голоса. Он чувствовал вкус ее дыхания, ловил губами его сладость.

Дотянуться и потушить свечу было действием, показавшимся ему актом самосохранения. Он надеялся избавиться от чувственных образов, прежде чем они охватят безумием его плоть. Гневное шипение, и свет растворился в его влажных пальцах. Ее глаза исчезли в плотной ночной темноте.

Но это не помогло. Он по-прежнему ощущал ее, чувствовал сладость ее дыхания на кончике языка. И уличный фонарь давал достаточно света, чтобы увидеть, как она облизывает губы. Жар охватил его.

– Я сделан вовсе не из дерева! – снова воскликнул Гарет.

На этот раз его рука дотянулась до теплой кожи ее щеки. И опять эта глупая женщина не отодвинулась, не скрылась прочь. Она даже не пошевелилась, когда он приподнял ее подбородок. Вместо этого ее губы сложились в нежное, робкое приветствие. Дыхание ее уст достигло его обоняния и уничтожило остаток разума. Прикосновения его пальцев, казалось, воспламенили ее плоть. Он наклонил голову, и ее губы оказались в соблазнительном дюйме от него.

– Однако более всего, – проговорил Гарет хриплым голосом, – будь я проклят, если позволю называть себя бесстрастным.

⁴ Дюйм – единица длины, равная 1/12 фута, или 2,54 см.

Глава 3

На мгновение Дженни провалилась в темноту, поэтому губы лорда Блейкли настигли ее. Мадам Эсмеральда отступила бы назад тот час же, когда он задул свечу. Мадам Эсмеральда никогда не позволила бы себе близкое соседство со столь яростной жадой и желанием.

Если бы у нее было хоть пять минут, чтобы подумать, она непременно оттолкнула бы его. Ее личина, ее маска требовали такого поведения. Но ей была отведена лишь секунда, и ее мысли приняли совсем иное направление. Жар его пылающих губ. Вспышка, заставившая ее вздрогнуть, когда он коснулся ее щеки рукой, мокрой от дождя.

Но в большей степени нечто исконно женское в ней, жалкий бутон, которому она не давала распуститься долгие годы лжи и отрицаний, убедило ее остаться. Мадам Эсмеральда подавляла ее, ей были не нужны чувства. Присутствие этой проклятой мадам изгоняло любые более или менее человеческие контакты из ее жизни в течение многих лет. Дженни устала не обращать внимания на чувства.

Дженни осталась.

И даже больше чем осталась. Она сделала шаг вперед, привстала на цыпочки и оказалась в грубых объятиях лорда Блейкли. Он вовсе не удивился ее неожиданной смелости, граничащей с бесстыдством. Нет, его руки обхватили ее бедра, он поднял ее в своих объятиях и поцеловал.

Несмотря на контролируемую силу мощных рук, державших ее, их уста сомкнулись с потрясающей нежностью. Его губы медленно и нежно ласкали ее губы. Мягкий, чувственный укус, потом еще один. Манящий, притягательный. Так, будто он просто пил ее дыхание, пробовал ее губы.

Он действовал медленно, но решительно. Он принуждал ее раскрыть все секреты, и Дженни не могла ему противостоять. Каждое новое ощущение – касание его языка ее нижней губы, легкое соприкосновение ее сосков с его грудью, поглаживание его рукой ее бедра, его сомкнутые на ее талии объятия – все находило отклик в ее жаждущем теле.

Она раскрыла уста, и он ворвался, самоуверенный, как наступающая армия. Он задержал ее язык своим языком, и все теплое и женственное в Дженни поднялось ему навстречу.

Не прерывая поцелуй, он проскользнул в комнату. Три шага, и ее спина прижалась к грубой поверхности стены, его губы и язык дразнили ее, желали ее, домогались ее ласки. Он крепко сжал ее в объятиях, каждым пальцем ощущая нежную плоть ее бедра сквозь тонкое платье.

Дженни жаждала всего, что не позволяла себе долгие, долгие годы. Она желала этого последними ростками женственности, спрятанными под многочисленными пеленами шутовского цыганского костюма. Она хотела трогать его, ощущать сладкое чувство соприкосновения плоти с плотью. В эту минуту, всего лишь минуту, она хотела надеяться, что находится в безопасности. Со всех точек зрения глупым было позволять себе подобные фантазии с любым мужчиной, особенно с этим.

Но она это сделала.

Лорд Блейкли разжал объятия, мимоходом закрыв дверь одной рукой. Резкий щелчок захлопнувшейся двери пробудил Дженни ото сна.

Маркиз снова посмотрел на нее.

Всего лишь один взгляд в его сторону, и Дженни явственно осознала всю глупую, непростительную наивность своего поведения.

Выражение его губ больше не было зловещим, на нем еще оставался отпечаток теплоты и нежности. Однако ничто не смогло укрыться от стремительного взгляда его настороженных и внимательных глаз, ни ее чуть приоткрытый рот, ни жест ее руки, тянувшейся, чтобы удержать его объятия. Несмотря на безудержную страстность, что она вообразила в его поцелуе, его

взгляд был взвешенным, задумчивым, умным. Ничто даже не нарушило его дыхания, ровного и спокойного.

Дженни неуверенно улыбнулась ему, сердце бешено колотилось в ее груди.

Выражение его лица не изменилось ни на йоту.

Она проглотила застрявший в горле комок и опустила взгляд. Только что Дженни сказала ему все, не произнеся ни слова. Жизнь жестока и несправедлива, и ей давно бы уже было пора к этому привыкнуть.

– Думаю, вы достигли своих целей. – Она чувствовала горечь и стыд в каждом произносимом слове. Ему потребовалось лишь несколько секунд, чтобы сломить ее тщательно возведенную защиту. Мгновение, чтобы убедиться, что может управлять ее женским началом. Несколько часов, чтобы раскусить обман.

В воцарившейся тишине были слышны лишь частые удары ее сердца, Гарет молчал и оставался недвижим.

Потом он вытянул вперед руку.

– Осталось прояснить лишь несколько деталей. Дай мне свою руку.

Безразличие, с которым он произнес свою просьбу, потрясло ее. Она отступила.

– За сегодняшний вечер у вас было достаточно возможностей касаться меня. Теперь я должна подумать.

Его взгляд скользнул по ее платью. Еще не схлынувшее возбуждение наполнило твердостью ее соски, и он не мог не заметить их нежные бутоны, призывно торчащие сквозь мягкую ткань платья. От его взора не укрылся и горячий румянец, проступивший на ее лице.

Гарет медленно покачал головой:

– Да, полагаю, тебе следовало бы подумать. Но ты этого не делаешь. Тебя столь же жадно тянет ко мне, как и меня к тебе.

Дженни попыталась судорожно поймать ртом воздух.

– Я... Я не...

– Не трудись мне лгать. – Его голос, низкий и глубокий, царапал ее чувства, словно острые кусочки гравия. – Ты уже сказала мне все, что я хотел услышать. Ты – не гадалка.

Лорд Блейкли прислонился спиной к двери. Она глянула ниже, но проклятый узкий покрой его брюк не давал ни малейшего намека на его реальное физическое состояние, он выглядел потрясюще спокойным для предположительно возбужденного мужчины. Похоже, Дженни одна была одержима желанием. Он прав. Она хотела снова ощутить сладость его прикосновений, отчаянно стремилась к этому.

Он поманил ее пальцем.

– А теперь иди сюда. Дай мне руку. Обещаю, что не буду кусаться.

Она запнулась.

– Правда? Зачем тогда она вам?

Искра понимания промелькнула в его глазах.

– Я собираюсь читать линии твоей ладони.

Дженни охватило смущение.

– Но вы же не верите в предсказания судьбы.

Он оторвался от двери и подошел к столу, приподнял двумя пальцами дешевую хлопковую тряпку за край.

– Я не верю в *это*.

Он сдернул тряпку, и она с шелестом опустилась на пол.

Лорд Блейкли повернулся к медному подносу, на котором мадам Эсмеральда возжигала свои благовония. Она недавно очистила его от пепла и наполнила свежими кусочками сандалового дерева, ожидая следующего клиента. Он взял в руку щепотку благовоний.

– И в это я тоже не верю.

Гарет разжал горсть, и сандаловые палочки упали на черную ткань.

Лорд Блейкли повернулся к ней лицом. Черты его были по-прежнему напряжены и неподвижны. Избегая ее взгляда, он бесцельно водил глазами по комнате.

– Позволь мне сообщить тебе, во что я действительно верю. Я верю в интеллект. Я верю в умные трюки. И я убежден, что тебе не откажешь ни в том ни в другом.

Еще два шага вперед, и он опять оказался от нее на расстоянии вытянутой руки. Он снова потянулся к ней.

– Дай мне руку, и я продемонстрирую, как работают твои трюки.

Дженни покачала головой.

Он не позволил ей избежать его настоящей просьбы. Вместо этого его пальцы вцепились в ее запястье и потянули к себе. По коже Дженни пробежала горячая волна, обозначая его присутствие. Но лорд Блейкли не воспользовался преимуществом ее близости. Вместо этого он повернул ее руку ладонью вверх и принялся изучать ее с поистине научной дотошностью.

– На самом деле между нашими методами чтения линий руки нет особой разницы. За исключением космических параллелей. Говоря научным языком, я объясню тебе, откуда берутся мои слоны и апельсины.

Он провел кончиками пальцев по четким линиям ее ладони.

– Прежде всего, я вижу по твоей руке, что ты получила хорошее образование, вероятнее всего в одном из маленьких провинциальных пансионатов благородных девиц.

Дженни взволнованно воскликнула:

– Я! Что дает вам право...

Он продолжил, загибая в подтверждение каждого своего тезиса по пальцу на ее руке:

– Ты знакома с жуками, приколотыми на картонку. Тебе в точности известно, как следует обращаться к маркизу. Когда ты сердисься, используешь такие слова, как «иссохнуть» и «монография». Сидишь так, будто тебя долгие годы муштровали с книгой на голове. Говоришь как молодая леди из высшего общества, четко произнося все звуки, с идеальными интонациями, ни слова кокни. – Он остановился, зажав ее мизинец. – У меня закончились пальцы, но еще не закончились соображения.

Дженни попыталась вырваться из его рук, но он не ослабил хватки.

Вместо этого провел пальцами по ее ладонке. Годы стирки собственной одежды, которой она вынуждена была заниматься, огрубили кожу ее рук. Дженни казалось, в своем ужасном уме он уже скрупулезно подсчитал точное количество произведенных ею стирок.

– Сомневаюсь, чтобы в твоей семье было много денег, – возможно, обучение оплачивалось за счет благотворительных пожертвований.

У Дженни перехватило дыхание, и ее пальцы конвульсивно сжались.

Он распрямил их между своими ладонями.

– Или по завещанию. Покровитель. Ты должна была стать гувернанткой. В этом состояла цель твоего образования?

Днем, стоя перед ним в одной рубашке, Дженни ощущала себя менее обнаженной.

– Либо ты решила этого не делать, либо произошло нечто, вынудившее тебя расстаться с праведной жизнью и похоронить все надежды быть гувернанткой.

О нет, господи, пусть он никогда не узнает правды. Это даст ему над ней столько власти. Если только он обнаружит, что однажды она пала... если он узнает, что однажды чуть не стала содержанкой. Нет, только не это, ведь тогда он непременно решит, что она всегда готова к подобного рода предложениям.

Он перевел взгляд с ее лица на стену.

– Полагаю, вероятны обе возможности. Мне сложно предположить, что ты спокойно смирилась бы со своей судьбой. Если бы ты хотела стать гувернанткой, то нашла бы много способов для достижения своей цели. Но ты целуешься как соблазнительница.

Дженни бросило в жар. Она целовалась как идиотка. Бессердечный демон, вот он кто, она в этом абсолютно уверена.

– В любом случае, держу пари, что ты не пользовалась популярностью среди подружек по школе.

У нее перехватило дыхание, и она в ужасе отшатнулась от него. И снова он не выпустил ее руку из своей стальной хватки.

– Если бы дела обстояли иначе, – рассудительно произнес он, будто бы его пальцы и не сжимали ее яростно пульсирующее запястье, – то тебе были бы открыты иные перспективы, кроме как зарабатывать на жизнь обманом. И если мы пойдем глубже, то для того, чтобы только задуматься о возможности такой профессии, ты должна была бы еще в очень раннем возрасте открыть для себя ту истину, что все вокруг лгут. Тяжело узнать об этом, если ты любимый ребенок. Сколько тебе было тогда лет?

– Девять. – Слова против воли сорвались с ее уст. Так она впервые вслух подтвердила все его подозрения. Теперь он знал. Он знал все. Дженни закрыла глаза, не желая видеть его торжество.

Его пальцы продолжали сжимать ее запястье. Другой рукой он коснулся линии ее подбородка. Она неохотно подняла веки. Лорд Блейкли не отводил взгляда от ее губ. Он должен был бы просто светиться от восторга. Однако в его глазах не читалась победа.

– Рановато, – наконец произнес он, отвернувшись. – Мне было двадцать один. Столько же, сколько и Неду.

Она внезапно осознала, что в его голосе не было ни намека на самодовольство. Он звучал так же логично и ровно, словно Гарет читал перед аудиторией скучную и длинную лекцию. И все же некоторая его скованность свидетельствовала о том, что воспоминания эти значили для него нечто большее, чем строгие научные факты. Дженни неудержимо захотелось поцеловать руку, сжимающую ее запястье.

– Думаю, я могу так же легко прочесть твое будущее, как и прошлое. – Гарет снова опустил голову, рассматривая ее ладонь. – Ты скажешь мне твое настоящее имя. Уж точно тебя зовут не Эсмеральда.

– Нет? Почему?

Он пожал плечами:

– В небогатой английской семье никогда не назовут девочку столь вычурно. А, кроме того, все эти дурацкие костюмы и сандаловые палочки. «Эсмеральда» – это слишком удобно. Всего лишь одна из твоих обычных уловок. Скажи мне свое настоящее имя.

Дженни сжала губы и бешено замотала головой.

– Маргарет, – предположил он. – Мэг, чтобы быть кратким.

– Эсмеральда, – продолжала настаивать Дженни.

Сардоническая улыбка снова сковала его губы.

– Так не пойдет, Мэг. В конце концов ты скажешь мне свое имя.

– Если Эсмеральда это и не мое имя, почему я должна открыть вам правду?

Он бережно сжал ее пальцы.

– Потому что я не могу позволить тебе называть меня Гаретом, пока ты этого не сделаешь.

Он произнес это так буднично.

– Почему... – Дженни запнулась и распрямила плечи. – Милорд, с какой стати я буду звать вас по имени?

– Я вижу это будущее здесь... – он дотронулся до линии ее ладони, – и здесь, – он погладил рукой ее щеку, – и здесь...

Палец его коснулся ее губ, и ее рот приоткрылся в ответном жесте. Но все равно, холоднокровие и сугубо научный вид по-прежнему не покидали его.

– Я не женюсь ни на одной из тех несчастных девиц, на кого бы ни пал твой выбор, – мягко произнес Гарет. – Твои предсказания моего будущего развеются в дым, а я, в свою очередь, предсказываю тебе, что ты будешь звать меня Гаретом. Когда я затащу тебя в постель, Мэг, будь я проклят, если тебе удастся выкрикнуть что-нибудь еще.

– Если вы пытаетесь доказать мне, что вы не автомат, – заметила Дженни, – вам неплохо было бы научиться хотя бы менять интонации. Таким же голосом можно, наверное, обсуждать цены на картофель или...

Гарет прервал ее речь нежным поцелуем. Да помилует господь ее душу, но она не смогла устоять. И когда он оторвался от нее, губы ее продолжали к нему стремиться.

– Видишь, – прошептал Блейкли, – ты уже стонешь...

– Но мы ведь уже согласились, что я не бесстрашна. Хотелось бы знать – что вы собираетесь предпринять?

На мгновение он встретился с ней глазами. Его золотые зрачки яростно сверкнули. Это было вторым проявлением эмоций, которое она заметила у него за сегодняшний день. Когда же он снова посмотрел на нее так, будто перед ним пустое место, Дженни почти показалось, что все это ей только привиделось.

Он отпустил ее запястье, разорвав связь, установившуюся между ними. Потом мотнул головой, и Дженни осознала, что они уже достаточно долго стоят в холодной прихожей. Она же даже не чувствовала холода.

Теперь дрожь охватила ее.

Он взялся за дверную ручку.

– Ты хочешь узнать, что произойдет, когда ты окажешься в моей постели? Я выиграю. – Он повернулся к ней спиной и открыл дверь.

Дождь кончился, и улицы окутала туманная, серая дымка. Несколькими мгновениями позже он окунулся в ночь. Туман заглушил звуки его шагов и поглотил неясные очертания фигуры.

Дженни захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, закрыв лицо руками. Но как бы плотно она ни зажмуривала глаза, не могла избавиться от ощущения его губ, касавшихся ее плоти, от вкуса его поцелуев.

Что за напасть. Он уже почти победил.

Он понял все, все, начиная со строгих порядков в том пансионе, где она получила воспитание, до ее несчастного влечения к нему. Дженни не произнесла ни слова, но всего лишь одного его поцелуя оказалось достаточно, чтобы сорвать тщательно возведенные ею завесы лжи.

За несколько часов он раскрыл все самые заветные ее тайны. В том числе и те, что она скрывала даже от самой себя. Желание чужого прикосновения. Желание быть *желанной*.

Один поцелуй, и она подтвердила все пренебрежительные подозрения, что лорд Блейкли когда-либо имел в отношении своего кузена. Потому что своим предсказанием лорд Блейкли не просто констатировал тот факт, что она обязательно окажется в его постели, но и подтверждал нереальность горячей и преданной защиты Неда.

Да, ее профессия казалась игрой. Не важно, какую ложь она говорила клиентам. Помимо всего прочего, лишь очень малая их часть действительно верила ее предсказаниям. Для большинства они были лишь небольшой встряской, развлечением, которому можно предаться между матчем по боксу и походом в оперу.

Но с Недом совершенно иное дело. Кому могли бы повредить ее предсказания о том, что он станет сильным и уверенным мужчиной, умелым и надежным?

Когда Нед поймет, что она его обманывала, лорд Блейкли никогда не забудет о его глупости. Он поместит эту идею в своем мозгу, где-то рядом с теориями о миграциях гусей или что

он там еще изучает. И он непременно приведет ее в качестве неопровержимого доказательства, если Неду вновь вздумается проявить независимость.

Несмотря на все разговоры лорда Блейкли об их взаимном влечении, от него следует держаться подальше. Безусловно, он с удовольствием затащит Дженни в постель. Он, кроме всего прочего, еще и мужчина. А это именно то, что мужчины обычно делают. Исходя из того опыта, что он произвел губами и языком, у нее не возникало и сомнения, что он заставит ее кричать, стонать от восторга, если получит ее.

Если? Скорее когда.

Он обнимал ее. Он ее целовал. Он обещал, что она будет кричать в его постели, и к ее стыду, она жаждала, чтобы так и было. Но одного Дженни не видела ни разу за несколько часов наблюдений за лордом Блейкли, – она не видела, чтобы он улыбался.

Дженни глубоко вздохнула и молча сделала еще одно предсказание. Прежде чем он затащит ее в постель, она сломает броню лорда Блейкли. Она заставит его сиятельство понять, что Неду, для того чтобы примириться и стать его будущей опорой, нужно от него нечто большее, чем постоянные обиды и превосходящий интеллект. Ему нужно его уважение, и она заставит Блейкли уважать своего младшего кузена.

Черт возьми, она обязательно это сделает!

Дженни уже почти проиграла. Но это вовсе не означало, что маркиз выиграл.

* * *

Господи, да он никогда этого не добьется, безнадежно подумал Гарет, внимательно рассматривая поднос, который его сестра, леди Лаура Эдмонтон, накрыла в ожидании его визита. Песочное печенье. Сэндвичи с огурцами со снятой кожурой. Однажды, много лет назад, ему понравилось и то и другое. А теперь они лежали ровными рядами, свидетельства разгоревшегося сражения. Гарет мог надеяться в лучшем случае лишь на рокировку и бесславное бегство.

Его сестра – его сводная маленькая сестренка, если быть совсем точным, – улыбалась ему. Однако глаза ее излучали не надежду и счастье, нет, где-то в их глубине затаился страх.

– Чай?

Сражение всегда сопровождалось чаепитием.

– С удовольствием, – отвечал он.

Не испытывая ни малейшего колебания, он вел многочисленные дела в своих поместьях. Он проводил месяцы в джунглях Бразилии в сезон дождей. Но эта тихая комната, задрапированная в розовые шелка, мелодичный плеск маленького фонтанчика во дворе... Следует признать честно, она действовала на него подавляюще.

И даже не столько комната, сколько Лаура. Ее губы были напряженно сжаты, когда она осторожно добавляла сливки в чай Гарета – именно столько, сколько он предпочитал.

Каждый месяц Лаура выбивалась из сил, чтобы его порадовать. Сегодня она надела свое самое лучшее утреннее платье, сшитое из тончайшего, прекрасно выделанного хлопка, с широкими, тяжелыми рукавами и многочисленными оборками. Ее песочного цвета волосы были забраны в безупречную прическу.

Лаура так колдовала над чашкой и молочником из полупрозрачного китайского фарфора, будто этот чай мог магическим образом исцелить пропасть непонимания, воцарившуюся между ними. После того как родилась Лаура, Гарет был слишком занят наукой быть маркизом, чтобы призадуматься об искусстве быть братом. Теперь, когда оба они стали взрослыми, их отношения превратились в этот застывший, нелепый фарс.

Нелепый?

Каждый месяц она приглашала его на чай. Каждый месяц он принимал это предложение. И каждый месяц... Назвать эти несчастные тет-а-теты нелепыми было бы слишком сдержанно, слишком вежливо и формально.

Их встречи всегда начинались одинаково. Гарет изо всех сил старался завязать разговор, а Лаура пыталась не замечать его угрюмой неловкости, разговаривая за них обоих.

– Вам нравится мой ридикюль? – Она поставила молочник на стол с тихим клацаньем и достала нечто напоминающее ворох розового шелка. Она протянула розовый сверток ему для осмотра.

Предмет их интереса был украшен розовыми розами с розовыми листьями. Он был такого размера, что в нем едва ли могли поместиться визитные карточки – *розовые* визитные карточки. Розовые перья были пришиты снизу сумочки. Она была не просто розовая, она была фатально розовая.

Гарет запнулся, подыскивая достойное положительное определение.

– Он выглядит... удобным?

Она сморщила носик.

– Ох, я взяла его с собой, когда мы Алексом отправились на конную прогулку, а он сказал, что сумочка может напугать лошадей. И попросил меня сидеть на ней всю дорогу. В результате мы сделали лишь один круг по парку. – Лаура снова посмотрела на Гарета.

Этот ее взгляд – этот проклятый взгляд, который говорил о том, что, несмотря на все промахи, мнение Гарета имеет для нее значение, – вынуждал его виновато опустить плечи. Заставлял отчаянно желать сделать что-нибудь, чтобы действительно заслужить его. Мадам Эсмеральда обвинила его в том, что он бездушный автомат. Рядом со своей сестрой он чувствовал себя неуклюжей марионеткой, с деревянными руками и ногами, неспособной к выполнению простейших задач. Как бы она посмеялась над ним, если бы увидела его сейчас.

– Вы думаете, лорд Блейкли, – едва слышно спросила Лаура, – мой жених ненавидит этот ридикюль?

Подобного рода вопросы представлялись ему гораздо более рискованными, чем компания турок-мародеров. Гарет не мог подобрать на них правильного ответа, никогда. И все-таки попытался.

– Наоборот, скорее всего, он ему понравился. Просто он мужчина. Он не может тратить время на разговоры о вышивках и цветочках, даже если женится на вас.

Только заметив, что его сестра нахмурилась, Гарет осознал, что «тратить» – это в данном случае не совсем подходящее слово. Его необдуманное высказывание придало беседе совершенно неподходящий тон. Еще не было ни одного чая с огуречным сэндвичем, будь те огурцы с кожурой или без, за которым удалось бы избежать подобного рода тщетных попыток. Это был *Гарет*. Он не имел понятия о розовом шелке и вышивках. И, черт бы его побрал, он не имел ни малейшего представления о женщине, сидящей перед ним. Кроме того, что она его сестра, единственная плоть его и кровь. В остальном же она оставалась совершеннейшей для него загадкой.

Они играли эту сценку еще с тех пор, когда Лауре было четыре, а Гарету двадцать. Во время одного из его редких визитов в поместье отчима она пригласила его принять участие в чаепитии вместе с ее куклами. Ему казалось тогда, что едва она немного подрастет, едва маленькие стульчики в ее комнатке обретут нормальные размеры, он сможет беседовать с ней.

Но теперь ей было девятнадцать, и она стала уже слишком взрослой леди, чтобы кричать на него и забрасывать печеньем за то, что он испортил ей вечер.

Лаура повернула голову, делая вид, что внимательно рассматривает могучие вязы, видневшиеся в широком окне. Ее руки продолжали сжимать тонкий шелк ридикюля, стискивая его сильнее и сильнее, пока вышитые лепестки не превратились в едва заметную линию.

– А что мне делать, – почти неслышно произнесла она, – если я ему совсем разонравлюсь?

Если ты боишься этого, не стоит выходить за него замуж.

Но говорить это ей показалось слишком глупым и очень эгоистичным. Гарет никак не мог избавиться от страха, что едва она выйдет замуж, то совсем перестанет нуждаться в нелепом и смешном старшем брате. Решит, что такие чаепития лишь пустая трата времени. Ее приглашения станут приходить не раз в месяц, а раз в два месяца, и постепенно их встречи перейдут в разряд краткого обмена приветствиями в опере. Собственно говоря, если бы Лаура мыслила рационально, она бы перестала приглашать его еще много лет назад.

Настоящий старший брат знал бы, как успокоить сестру, как вернуть ей уверенность в столь сложный момент. Он смог бы одним словом развеять ее нервозность и волнение, заставлявшие судорожно сжимать этот проклятый розовый шелковый комочек. Он бы шутил, рассказывал забавные истории, он бы мигом решил все проблемы. Но у Лауры не было настоящего брата, а лишь сердитый, неуклюжий маркиз Блейкли, и Гарет не имел ни малейшего понятия, что ему с этим делать.

С тем же постоянством, что она приглашала его, Гарет старался что-то предпринять.

– Если вы действительно беспокоитесь, Лаура, что перестанете устраивать своего жениха, я могу удвоить ваше приданое.

Ее глаза расширились, губы задрожали.

– Что? – спросила она. – Что вы сказали? Так вот как вы думаете обо мне, Блейкли? – Она едва сдерживала рыдания. – Вы хотите подкупить Алекса, чтобы он заботился обо мне? Вы думаете, меня никто не полюбит, если вы ему не заплатите?

Нет.

Гарет сам надеялся купить любовь Лауры. Как еще он мог получить возможность постоянно видеть ее? Каждый раз он клялся себе избегать таких ситуаций, и каждый раз их встречи кончались ее слезами. Если беседа шла ко дну, оставалось лишь покинуть корабль. Однако долгий опыт подсказывал ему, что вообще ничего не предпринимать в таких ситуациях означало только умножить в ее сознании ее мнимые «прегрешения». Однако каждый раз, когда он начинал объяснять, что имел в виду совсем другое, это звучало как «Ты – глупая, нерациональная гусыня».

И вместо того, чтобы развеять ее страхи, он остался сидеть на стуле, судорожно сжимая блюдце, пока хрупкий кусок фарфора не треснул в его руках.

Он надолго замолчал, совершая еще большую ошибку.

– Очень хорошо. – Голос Лауры задрожал сильнее. – Пожалуйста, удваиваете, мне все равно.

Ничего не изменилось с тех пор, как ей было четыре, разве что стулья. Он по-прежнему разрушал все, к чему прикасался.

Сумасшествие, как-то сказал Гарету врач, есть повторение одного и того же действия в надежде достичь разных результатов. Именно поэтому Гарет не боялся, что когда-нибудь сможет влюбиться, что бы ни пророчествовала мадам Эсмеральда. Любовь – смотреть, как его сестра глотает слезы. Любовь – надеяться, что через месяц она пришлет ему еще одно приглашение. Любовь – верить, что, несмотря ни на что, однажды он поведет себя правильно, сможет заговорить с ней как брат, а не как тот холодный и бесчувственный человек, которым он, по ее мнению, являлся.

Короче говоря, любовь – это безумие и сумасшествие.

Глава 4

Однако он впадает в новый вид безумия, подумал Гарет, усаживаясь на мягкие подушки тесного экипажа. Наступил вечер того самого бала, на котором они с Недом собирались присутствовать. Прошла почти неделя с тех пор, как он покинул квартирку мадам Эсмеральды, и то непреодолимое влечение, которое она вызвала тогда в нем, должно было бы давно позабыться. Сегодня он сделает первый шаг к тому, чтобы разрушить ее власть над Недом.

И все равно...

Он думал, что ему удалось раскусить мадам Эсмеральду. Классифицировать ее, определить ее вид и породу. Первоклассная мошенница, снедаемая жадной наживы. Эти амбиции, вероятно, зародились у нее в раннем детстве, когда она не смогла занять достойного положения в тесном кругу воспитанниц пансиона благородных девиц. И, к счастью для него, она также оказалась подвержена тому пламенному влечению, что неожиданно возникло между ними.

Осознав и идентифицировав проблему, он пришел к очевидному решению: следует выполнять все ее задания с максимальной расторопностью и минимальными возражениями, открыв в конечном итоге глаза Неду на ее предательство. Затащить ее в постель, утолив свое ненасытное желание и победив тем самым это проклятое к ней влечение самым приятным для себя способом.

Он бросил взгляд на соседнее сиденье. Мадам Эсмеральда села самым достойным образом, сдвинув ноги чуть в сторону, дабы избежать всяческого соприкосновения с ним. Она также весь вечер старательно не смотрела в его сторону. Так, не произнеся ни слова, эта лжецыганка разрушила гипотетическую идентификацию, которую он для нее выдумал. Она стала аномалией. А Гарет приказывал разуму избегать аномалий.

Небольшое уточнение: Гарет любил аномалии. Аномалии были для него научной загадкой, которую необходимо изучить. Для него это означало встречу с доселе невиданным явлением, и если правильно и с должной научной тщательностью его исследовать, то вполне можно оказаться первым человеком в мире, подобравшим к нему ключ. Нет, ученый в Гарете обожал головоломки. И лишь маркиз, ответственный лорд Блейкли, опасался последствий.

Потому что в данных условиях было бы в высшей степени неудобно и неблагоприятно обожать в ней хоть что-нибудь.

Прежде всего, ему не давал покоя вопрос: почему она выбрала такой наряд? Конечно, он всегда терялся в новых правилах касательно дамского гардероба. Гарета вряд ли можно было бы назвать арбитром моды, но даже он знал, что его современницы всячески подчеркивают талию, затягивая ее в корсет. Линия горловины изысканного дамского платья выставляла грудь в самом выгодном свете, а рукава были раздуты, как гигантские морские рыбы.

Честно признаться, он с надеждой ожидал увидеть, как ее замечательная грудь станет еще роскошнее в обрамлении модного низкого ворота. Он уже представил себе свой заинтересованный взгляд или случайное касание рукой ее открытой ключицы. Современные наряды предоставляют проворному ценителю массу возможностей для подобного рода «случайностей».

Напротив, наряд мадам Эсмеральды казался коричневым, почти черным в полумраке экипажа. Ворот был не по-современному высоким, а рукава лишь слегка расширенными. Ни вышивки, ни лент, ни модного золотого плетения. Ни одна линия ее выдающейся фигуры не была подчеркнута.

Ее выбор бального платья столь же сбивал с толку, сколько разочаровывал. Днем позже ее гневной отповеди в ателье модистки он сидел за столом в своем кабинете, разложив бумаги и углубившись в научную работу. Когда же к нему явилась разъяренная швея, он попросту отмахнулся от нее. Лорд Блейкли полагал, что мадам Эсмеральда не преминет извлечь пользу из его безразличия. Помимо всего прочего, она сможет прожить неделю на деньги, выручен-

ные с продажи одной ленты с золотой вышивкой. Вместо этого, она, судя по всему, выиграла настоящую битву с портнихой за возможность появиться в столь непритязательном наряде. И Гарет очень хотел бы знать почему.

Первоклассная мошенница, снедаемая жадой наживы, заказала бы золотое шитье и заставила бы Гарета приобрести ей сапфиры, оттеняющие блестящую голубизну ее глаз. Поступать иначе было бессмысленно.

Гарет откровенно рассматривал ее с той самой минуты, как она вошла в карету. Она же бросала на него редкие, короткие взгляды, которые жгли ему кожу, даже после того, как она отворачивала голову. Поцелуй должен был бы придать ей власти над ним, открыть перед ней его слабости. Первоклассная мошенница воспользовалась бы любой возможностью обольстить его. Она бы не сводила с него глаз и делала бы соблазнительные намеки каждым движением своих хорошеньких бровок. Она бы не преминула извлечь пользу из полумрака, царившего в карете, и расположила бы свои прелестные ножки в опасной близости от Гарета. Иначе, как же было бы заслужить ей вознаграждение и по возможности затуманить суждения Гарета, склонив его в свою пользу?

Он уже совсем приготовил себя к тому, чтобы противостоять ее домогательствам, как...

Мадам Эсмеральда попросту игнорировала его, игнорировала настолько, насколько это было возможно, находясь на расстоянии всего в два фута, и беседовала с Недом. Он даже не знал, что тревожило его больше – его желание, чтобы она попыталась затуманить ему разум, или тот факт, что разум его и так достаточно затуманился безо всяких усилий с ее стороны.

Ее поведение не соответствовало никаким стандартам. Ничто в ней не соответствовало стандартам.

– Нед, – между тем проговорила она. – Не забудьте о том, что вам предстоит сделать сегодня вечером.

Нед сцепил руки перед собой, едва сдерживая волнение.

– Мы собираемся встретить будущую жену Блейкли. Как бы мне ее поприветствовать?

Гарет нахмурился. Порой его кузен был слишком склонен к экзальтации. Он мог только представить, сколько неприятностей принесет его юношеская порывистость.

Очевидно, мадам Эсмеральда тоже вполне представляла себе это. Она покачала головой:

– О, Нед. Ведите себя вежливо и уважительно. И помните, что лорд Блейкли не сможет ее поприветствовать, пока не будет готов преподнести ей слона.

– Ну хорошо. – Нед неуклюже ссутулился и убрал руки. – Но только потому, что вы это сказали.

Гарет не привык к тому, чтобы его игнорировали. Особенно та женщина, которую он целовал. Его уже все это утомило.

– Мадам Эсмеральда.

Она неохотно взглянула на него.

– И как скоро после того, как я выполню третье задание, вы предрекаете, что я влюблюсь в назначенную вами леди и сделаю ей предложение?

– Через месяц. – Ее голос неуверенно дрогнул в конце предложения.

– Итак, все, что мне остается сделать, – так это выполнить три ваших задания, подождать месяц, и, если я не женюсь, Нед узнает, наконец, что вы обманщица? – Он затаил дыхание. Если она сейчас согласится, он получит именно то, чего так добивался. Поддающееся проверке представление с предсказуемым финалом. А самое главное, желаемый и вполне достижимый результат, который вознаградит его за все выпавшие на его долю унижения, связанные с выполнением ее нелепых заданий.

– Существует и иная возможность – вы последуете указаниям духов и женитесь на ней.

Гарет фыркнул.

Нед в темноте пнул ногой кожаный полуботинок Гарета.

– Давай же, поспеши с резьбой.

И это была третья аномалия, если рассуждать логически. Нед выполнял все, что бы ему ни сказала мадам Эсмеральда. Если бы она попросила его вручить ей десять тысяч фунтов и броситься с Лондонского моста, привязав к ногам свинцовые гири, Нед уже давно кормил бы рыб на дне Темзы. Для первоклассной мошенницы она делает ничтожную работу, вытягивая жалкие гроши.

– Не стоит и напоминать об этом, Нед, – заметил Гарет. – Мне вовсе не нужно начинать заниматься вырезанием.

– Но твое задание! – Нед чуть не задохнулся от возмущения.

– Нет нужды начинать, поскольку я уже закончил. Я решил разделаться с этим как можно быстрее.

Гарет потянулся в карман фрака и достал оттуда кусок кости. Свет уличных фонарей осветил ее поверхность.

Мадам Эсмеральда сделала встречное движение, и он вручил ей свою поделку. Она взяла ее в руки и поднесла ближе к глазам, недоуменно рассматривая бесформенный осколок с разных сторон. Этот кусок кости был круглым, широким, покрытым многочисленными, сделанными перочинным ножом насечками и царапинами. Ее губы скривились, будто она откусила лимон.

Следовало все-таки прибегнуть к объяснениям. Гарет показал пальцем на кость:

– Слон.

– Господи! – Она повертела фигурку. – А не могли бы вы сделать его более... гм... слоновым?

Безусловно, Гарету не очень нравилось признавать свои недостатки в какой бы то ни было области. Тот факт, что он не умел вырезать, вовсе не лишил его присутствия духа. Кроме того, его совсем не заботило, что она подумает о его способностях в этой области. Ее мнение значило не слишком много. Да и искусство резьбы по кости не входило в число приоритетов заносчивого маркиза. Он сложил руки на груди, и его лицо приобрело самое холодное выражение.

– Предложенное мне задание не имело отношения к моим достоинствам.

Она фыркнула:

– На что вы надеетесь? Прельстить леди геометрической фигуркой?

– Обольщение? – Гарет бросил взгляд на ее грудь. – Я думал, мы говорим о браке.

Мадам Эсмеральда покраснела и поспешила вернуть ему костяную фигурку.

– Постойте, – возмутился Нед. – Дайте же и мне посмотреть.

Гарет протянул ему кость. Он пристально уставился в глаза своего юного кузена, поставившись вложить в свой взгляд самое откровенное обещание многочисленных кар и бедствий, грозящих ему в том случае, если юноша поднимет его на смех.

Нед спас свою жизнь, недоуменно нахмурившись:

– А где же, мм... где же хобот?

Гарет порылся в кармане и выудил оттуда тонкий осколок.

– Отвалился. В процессе резьбы.

Мадам Эсмеральда уставилась на новую деталь и покачала головой:

– Хорошо. Я полагаю, этим вечером вам придется заниматься многочисленными делами, которые, как вы выразились, не имеют отношения к вашим достоинствам.

– Да, – с шумным вздохом произнес Гарет. – Мне придется вручить этого слона любой ужасной дебютантке, на которую вы укажете.

Мадам Эсмеральда покачала головой:

– И...

– А существуют «и»?

– Лорд Блейкли, даже если не существуют «и», существуют «но». Уберите этого несчастного слона. Пожалуйста, попытайтесь сделать другую вещь. Улыбнитесь.

– Улыбнуться? – Он во все глаза уставился на нее. – Это следующее задание? Скалить зубы, как какой-то псих?

– Это не задание, – произнесла мадам Эсмеральда. – Это пожелание.

– С какой стати я должен улыбаться?

Нед протянул Гарету жалкий образчик его художественного таланта.

– Улыбка – это то, что большинство людей делают со своими губами, чтобы продемонстрировать радость или веселье. – Он обернулся к мадам Эсмеральде: – Вы просите невозможного. Вы – жестокая женщина.

Карета медленно остановилась, ливрейный лакей открыл дверь. Холодный ночной воздух ворвался в сгустившийся полумрак, и беседа приостановилась, пока конфликтующие стороны покидали экипаж.

Гарет бережно положил костяную пластинку в карман.

– Я не собираюсь изображать веселье. Или радость.

– Как я и говорил, – беспечно произнес Нед. – Невозможно.

Мадам Эсмеральда расправила юбки.

– А вы сами испытываете когда-нибудь подлинное веселье?

– В этом месте? В этой компании? – Гарет взглянул на сверкающий огнями парадный подъезд. – Нед совершенно прав. Это невозможно. – Он протиснулся вперед, оставив Неда и мадам Эсмеральду позади.

– Смотрите-ка! – Нед сквозь зубы присвистнул ему вслед. – Какой сухарь.

Если бы он только знал.

* * *

– Лорд Блейкли. Миссис Маргарет Бернارد. Мистер Эдвард Кархарт. – Представление мажордома едва было услышано в шумной, залитой огнями зале, открывшейся перед Дженни.

Она, нахмурившись, посмотрела на лорда Блейкли – указания мажордому давал именно он. Ее сиятельный спутник наклонился и шепнул ей на ухо:

– Поздравляю, Мэг. Вы стали вдовой, а также моей очень отдаленной кузиной. Постарайтесь хотя бы здесь не заниматься предсказаниями. – Он взял ее за локоть одетой в перчатку рукой и повел вперед.

Блейкли поступил так, будто она – всего лишь обманщица, будто выбрала это ремесло, поскольку, едва открыв рот, не могла удержаться от вранья. Да у нее ушли годы, чтобы довести до совершенства характер мадам Эсмеральды, и почти десять лет, чтобы достичь такого уровня профессионального мастерства, когда людская молва заме няла рекламу. Она не могла принять любую личину по малейшему его капризу.

Однако прежде, чем Дженни смогла придумать, чем бы отплатить лорду Блейкли, она вошла в залу, и все другие мысли выветрились у нее из головы. Казалось, комната просто пылает огнем, так ярко она была освещена.

Она видела газовые фонари на улице, тусклые оранжевые шары, отбрасывавшие смутные тени. Она иногда даже сама пользовалась масляной лампой – долго мучаешься, чтобы ее разжечь, да и горит она с противным рыбным запахом. Но Дженни доводилось лишь проходить мимо домов, освещенных так же, как этот. Казалось, ночь отступила, исчезла в свете блестящих люстр, сияющих с необычайной интенсивностью.

Она никогда не видела ничего подобного. Вся комната была залита светом тысячи золотых солнц. Словно в жаркий полдень. Ни одного угла во всем огромном зале не осталось погру-

женным в тень. Единственным отличием газового освещения от солнечного был сильный желтоватый оттенок, в свете которого ее коричневое платье казалось просто грязным.

Грязь, да, именно так она себя чувствовала рядом с лордом Блейкли.

Его роскошный наряд был специально подобран, чтобы воспользоваться всеми преимуществами блестящего освещения. Темно-красная вышивка на его черном жилете притягивала свет. Искусно вырезанные из черного гагата пуговицы искрились в свете тысячи люстр и канделябров. Яркий свет обнажил изысканную, богатую текстуру ткани его черного фрака. И на фоне всей этой ослепительной черноты еще ярче полыхали золотые вспышки в его глазах.

Она никогда еще не чувствовала себя столь жалкой и убогой. Ее платье было гладким, без кокетливых вырезов и складок. Простые линии, легко надеть и снять. Только такую одежду может позволить себе женщина, живущая одна и не пользующаяся услугами горничной. И поскольку лишь женщина, чье социальное положение было на ступеньку выше нищеты, могла бы приобрести платье подобного кроя, Дженни выбрала благоразумный и ноский коричневый. Любой другой цвет представлялся ей неуместным. Но неуместной в этом роскошном собрании оказалась именно она.

Когда же она огляделась, ее ощущение непригодности только усилилось. Она считала очень умным и находчивым свой способ укладки прически, украшенной скромными лентами и завитками, полученными в результате накручивания волос на бумажные папильотки накануне ночью. Однако вокруг себя Дженни видела идеальные, пышные локоны изысканных причесок, украшенных шелковыми и живыми цветами, лентами, окрашенными в цвета гораздо более богатые и экзотичные, чем розовый и свекольный, который использовала она.

Когда двигались другие леди, каждое колебание пышных нарядов излучало грациозность. Их платья казались кристально чистыми и даже чуть хрустящими в складках. Даже находясь от них на расстоянии нескольких футов, она чувствовала запах амбры и богатой пищи.

И наконец, балльная зала. В ней было столько же народа, сколько на самой оживленной лондонской улице. Дженни никогда не видела таких просторных комнат. Она проследила взглядом ряды ионических колон, устремленных высоко-высоко вверх, прямо к украшенным золочеными орнаментами потолкам, сияющим на просто невообразимой для Дженни высоте более пяти человеческих ростов. Ее бросило в пот. Казалось, у нее, твердо стоящей на своих ногах, не должно быть никаких причин испытывать головокружение.

И все-таки именно так оно и было.

Она уцепилась пальцами за локоть лорда Блейкли.

– Не бойтесь, миссис Бернард, – холодно проговорил он, – мы выдадим вас замуж моментально.

Дженни потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя и вспомнить, что ее зовут миссис Бернард.

– Что?

– А разве не для этого мы вас сюда привезли? Как думаешь, Нед? Разве мы не захватили с собой сюда нашу отдаленную кухню в поисках нового мужа? Мы должны договориться о какой-то легенде, прежде чем двигаться дальше и приступить к представлениям.

– Чушь, – заявила Дженни. – Мой обожаемый супруг скончался лишь год назад. Я совсем не собиралась снова выходить замуж, вы же любезно решили как-то меня развлечь и ободрить.

– Любезно? – спросил Нед. – Блейкли? Придумайте хотя бы сказку, в которую поверит общество.

Дженни улыбнулась Неду и перенесла свою руку на его локоть.

– Тогда это ваша идея, дорогой.

Лорд Блейкли прижал к себе локоть, словно стараясь увернуться от ее прикосновения.

– Заметь, Нед, как легко она лжет.

Дженни сделала глубокий вздох. То, что она выглядит, как корова в окружении стаи лебедей, вовсе не означает, что она позволит лорду Блейкли ее запугать.

– О, лорд Блейкли, – заметила она. – Вы не улыбаетесь. Что бы такого придумать, чтобы усилить вашу радость от этого события?

Он только открыл рот, как Дженни перебила его возможные возражения восхищенным хлопком в ладоши.

– Я знаю! – вскричала она. – Вот вещь, которая поднимет ваш дух. Сверим часы?

Лорд Блейкли глянул на большие напольные часы, стоявшие у стены, но она покачала головой.

– Ваши карманные часы.

Помолчав, он достал из кармана тяжелые золотые часы. Щелкнул застежкой и взглянул на циферблат.

– Ну что же, миссис Бернارد. Делайте свое черное дело. Сейчас 10 часов 38 минут.

Когда его кузен оторвался от своих часов, Нед почувствовал острый приступ волнения. Как, осталась всего лишь одна минута? Наконец-то Нед увидит своего кузена в состоянии влюбленности. Тогда Блейкли сможет жениться и произвести на свет наследников. Он найдет себе другую жертву, с которой будет обращаться, будто с подчиненным, подавлять холодным видом и совершенными манерами. Самое важное, мадам Эсмеральда, да и сам Нед, будут оправданы.

Неужели минута еще не кончилась? Нед подавил секундное намерение посмотреть на свои часы. Мадам Эсмеральда сказала, что следует руководствоваться часами Блейкли, значит, так и нужно поступать.

Но этот проклятый упрямец уже стал убирать их обратно в карман. Одним быстрым движением Нед дотянулся и выхватил золотой диск из пальцев Блейкли. Однако они выдержали его рывок.

Блейкли скорчил недовольную гримасу.

– Нед, возможно, ты потрудишься вспомнить, что они на цепочке.

Да как же он может быть столь дьявольски спокойным.

Нед стиснул зубы.

– Мои извинения, – невнятно пробормотал он, снова сделав попытку рвануть на себя цепь вовсе не в примирительном жесте. А поскольку Блейкли продолжал стоять как ни в чем не бывало, не проявляя ни малейшего желания оставить контроль над часами, Нед добавил: – Ты не мог бы отцепить эту штуку? Она нужна нам здесь.

– С превеликим удовольствием, – саркастически произнес Блейкли. Он с преувеличенным тщанием принялся расстегивать крючок, потом медленно достал цепь из кармана. Но все эти задержки не имели значения, поскольку времени было...

По-прежнему тридцать восемь минут одиннадцатого. Нед вздохнул. Хорошо, прошло еще недостаточно времени. Не следует удивляться, что минута еще не кончилась.

Но Нед снова взглянул на часы, просто для того, чтобы быть уверенным. По-прежнему 10 часов 38 минут. Нед разочарованно вздохнул и посмотрел по сторонам, пристально вглядываясь в окружающих. Ему было интересно, какая из многочисленных прелестных леди предназначена для его кузена. Однако ни одна из них не представляла, с его точки зрения, особого интереса.

– Нед, – прошептала мадам Эсмеральда. – Вы помните, что я говорила вам о терпении?

– Я просто воплощение терпения, – возразил Нед.

Она кашлянула.

– Ваши ноги.

Нед моргнул и посмотрел вниз. Его чертовы ноги приплясывали от нетерпения. Усилием воли он остановил этот безумный танец, а потом, поскольку прошло еще две секунды, позволил себе снова взглянуть на циферблат.

– Все еще тридцать восемь минут? Блейкли, эта чертова штуковина сломалась?

Однако прежде, чем его кузен одарил его ответом, это случилось. Минутная стрелка вздрогнула, словно кошка, готовящаяся к прыжку. Она зашевелилась. И наконец... Она сдвинулась с места. Мурашки пробежали по спине Неда, и он взглянул на мадам.

– Назначенное время настало. 10 часов 39 минут, – провозгласила мадам Эсмеральда.

– И кажется, оно настало, так сказать, не вовремя. Какая жалость, что вокруг нас одни мужчины. – Загадка, как Блейкли умудряется стоять с таким скупающим видом, когда вся его судьба на кону.

Но мадам Эсмеральда обязательно со всем справится. Нед взглянул на нее с надеждой.

Она внимательно рассматривала окружающих.

– Здесь, – произнесла она наконец, указав пальцем на небольшую группку людей. – Это она. В голубом. Около стены.

Нед проследил взглядом за ее указательным пальцем. Он выпучил глаза. Потом закашлялся, не в силах снова обрести дыхание от охватившего его ужаса.

– Вы, вероятно, имеете в виду леди в наряде, украшенном этими восхитительными перьями? – Блейкли не собирался столь же явно выдавать себя, как его кузен, впавший в настоящую панику. – Она прекрасна. Я думаю, я уже влюблен в нее.

– Она... Я... Это... – Нед повернулся к мадам Эсмеральде, его пальцы конвульсивно дрожали. Поток неясных звуков, слетающих с его губ, никак не мог оформиться в убедительное возражение. Он и раньше испытывал сомнения, глядя в ее мудрое и знающее лицо. Но тогда он сомневался в себе. Он не знал, удастся ли ему справиться с той тьмой, что время от времени вцеплялась в него железной, беспощадной хваткой.

На долю секунды холодные пальцы неопределенности сдавили ему шею, и Нед засомневался в ней. Если бы она указала на свинью, он бы поверил, что та просто заколдована, что на нее наложены чары из разряда тех, что снимаются поцелуями. Но она указала на женщину, которая просто не может выйти замуж за Блейкли.

– Конечно не ее, – уничижительно парировала она.

Нед перевел дыхание.

– Я имела в виду даму в бледно-голубом. Вот она – проходит. Здесь.

Нед посмотрел налево. Ему удалось разглядеть только украшенный лентами белокурый локон и голубое с белыми полосками платье. Сзади дама выглядела молодой. И казалась стройной. Когда она повернулась, и ее наряд засверкал в ярком свете многочисленных светильников, он понял: то, что издавна принял за полосы белой ткани, на самом деле – жемчужины. Кем бы она ни была, она оказалась весьма состоятельной.

– Проклятье, – заявил Блейкли. – А я-то уже отдал свое сердце Перышку.

Нед заметался взглядом по зале. Кажется, будущая невеста Блейкли собирается открыть ту дверь? Да, так. Сердце Неда сжалось. Она собиралась покинуть бальную залу.

– Послушай, Нед, – произнес, наконец, Блейкли, не выказывая никакой заинтересованности тем фактом, что его будущая жена их покидает, – ты все испортил. В следующий раз пусть мадам Эсмеральда обойдется без твоих подсказок.

Нед на секунду задумался над этим таинственным замечанием, но решил оставить его без внимания.

– Чего же мы ждем. Вперед.

Ни один из его спутников не пошевелился. Нед положил одну руку себе на пояс и показал другой рукой, в которой все еще были зажаты карманные часы Блейкли, в сторону удалявшейся леди в голубом:

– Она покидает зал.

– Какая жалость, – проговорил Блейкли расстроенным голосом. – Она прелестна. Но что поделать?

Нед подпрыгнул на месте от нетерпения.

– Чушь. За ней!

Блейкли учтиво вынул свои часы из пальцев Неда и опустил их вместе с цепью в карман.

– Успокойся, Нед. Мы привлечем внимание к себе гораздо больше, чем заслуживает это событие, если все втроем будем бегать по бальной комнате, словно стайка борзых на охоте.

Нед нахмурился.

– Мадам Эсмеральда, – протестующе заявил он. – Скажите Блейкли, чтобы он поспешил. То, как он поступает, просто *неуважительно*.

Мадам Эсмеральда задержала на нем взгляд:

– Нед, передохните и успокойтесь.

– Я вовсе не... – начал Нед, но вовремя сообразил, что действительно готов лопнуть от переполнявшего его волнения. Он закрыл рот, слегка клацнув зубами.

– А вы, лорд Блейкли, возможно, сообразите передвинуть одну ногу за другой, что было бы весьма разумным с вашей стороны, поскольку если вы собираетесь дожидаться ее возвращения, то вам придется дарить ей вашего слона на глазах у всей скупающей публики.

Блейкли скривил губы, выражая самую откровенную неприязнь.

– С вами нельзя не согласиться.

После этого кузен Неда повернулся и зашагал к выходу, через который исчезла неизвестная блондинка. Нед мгновенно опередил его, вклинившись между удивленной парой и высоким джентльменом в жутком жилете. У него ушло совсем немного времени, чтобы распахнуть незаметную дверь в стене.

Он попал в пустынный коридор для слуг, производивший впечатление темного и тусклого после сияющей огнями бальной залы. Стены коридора были покрыты простой побелкой, перед ними открывался узкий, неизвестно куда ведущий проход. И что ей было здесь надо?

Не важно. Что бы она ни собиралась предпринять, она еще не успела уйти далеко. Их разделяло всего футов пятнадцать. Она двигалась едва слышно. Несмотря на простой дощатый пол и неукрашенные стены, тихий стук ее шагов удалялся прочь от гула веселившейся в зале публики.

Раздались шумные и тяжелые шаги идущего позади него Блейкли. Она услышала звук и остановилась.

Блейкли воспользовался ее замешательством.

– Прошу прощения, – окликнул ее он.

Леди медленно обернулась. Очень медленно. У Неда снова перехватило дыхание. Она была даже моложе, чем он. Черты ее лица казались слишком резкими, слишком выделяющимися. Однако ее большие глаза светились умом и внутренней силой. Даже несмотря на то, что она оказалась застигнута врасплох в темном коридоре тремя незнакомцами, ее голова была высоко поднята, а плечи прямые. Она не пыталась заговорить первой. Вместо этого она кивнула, словно давая бестактным преследователям молчаливое согласие приблизиться. Это равнодушное спокойствие делало ее резкие черты почти прекрасными.

С таким заносчивым поведением она могла бы стать превосходной маркизой Блейкли. Нед бросил взгляд на кузена, но на того ее элегантность, казалось, не произвела никакого впечатления.

– Уверен, вы обронили это в бальной комнате, – ровным голосом произнес Блейкли, держа безобразный кусок слоновой кости в руке, и шагнул ей навстречу.

Нед не знал, что было большим кощунством – пренебрежение Блейкли заданиями мадам Эсмеральды или его способность оставаться безучастным, стоя лицом к лицу со своей будущей женой. Встревоженный, Нед протиснулся ближе к своему кузену.

Леди нахмурилась, едва Блейкли подошел поближе.

– Я потеряла что-то? Как это неловко с моей стороны.

Ее голос звучит словно колокольчик, подумал Нед, совсем не имея в виду грубый металлический звон сигнального колокола. Мелодичные трели ее речи напомнили ему музыкальные переливы звонких церковных колокольчиков, раздающиеся в солнечный морозный день.

Она коснулась взглядом неопишуемого объекта, лежащего в протянутой руке Блейкли. Ее идеально очерченная бровь изумленно поползла вверх.

– Я уронила это? Думаю, *нет*. – В ее колокольчики проник диссонанс.

Блейкли пожал плечами:

– Как пожелаете, – и отвернулся от нее.

Каков нахал! Он даже не попытался дать и единого шанса предсказанию мадам Эсмеральды.

Нед схватил кузена за запястье и заставил его снова повернуться к даме.

– И все-таки я думаю, это вы его потеряли. Откуда же еще он мог взяться?

Из кармана Блейкли. Или еще из пятнадцати других источников, сразу же приходящих на ум.

– Уверяю вас, – немного сурово промолвила она, – если бы этот объект принадлежал мне, я не стала бы дожидаться бала, чтобы его выбросить. Даже если бы я его и обронила, то никогда не призналась бы в принадлежности мне этой... вещи.

– З... знаете. – Нед с трудом выдавил из себя первое слово и расправил плечи. – Если и не вы потеряли это, то *вы* должны это принять.

Она поджала губы.

– Почему?

Почему? Проклятье.

– Не могу придумать этому ни одной причины, – перебил Блейкли. В его взгляде и интонациях сквозила едва уловимая насмешка. У Неда все похолодело внутри. Его кузен так и будет продолжать исполнение заданий в этой своей безразличной и издевательской манере. У него вовсе не было намерений воспринять слова мадам Эсмеральды всерьез. Он собирался проделать минимум и не более.

Но мадам Эсмеральда права. Она видит будущее. Она *должна* это делать. Потому что если она ошиблась в судьбе Блейкли, тогда и ее предсказания относительно Неда также окажутся под сомнением. А этого он просто не вынесет.

Нед выхватил костяную пластинку из рук своего кузена и взял ее в свою руку. В таком случае существует лишь одно решение. Он должен сам проделать всю работу.

– К сожалению, – вздохнул Нед, – для этого нет никаких достойных причин. Вы просто должны, вы обязаны принять эту вещь, как бы то ни было.

Она всмотрелась в несчастную пластинку.

– Как бы то ни было, мне хотелось бы, прежде всего, узнать, что это?

– А как вы думаете?

Леди протянула тонкий палец и коснулась поверхности «изделия». Она немедленно отдернула палец, будто бы дотронулась до горячей кухонной плиты.

– Это похоже на какой-то круглый, пупырчатый, незаконнорожденный, опаленный боями... цитрус?

– Ты видишь? – Не в силах скрыть переполнявшего его восторга, Нед схватил Блейкли за ладканы. – Она знала! Она знала, что это был слон! Ты больше не сможешь отрицать силу мадам Эсмеральды!

Это, по крайней мере, вызвало хоть какую-то реакцию Блейкли. Он зажмурил глаза и прикрыл лицо рукою.

Молодая леди нахмурилась.

– Апельсин – это слон?

Она выглядела строго и элегантно. Нед представил, каким он выглядит в ее глазах. Мальчишески тощий. В тени своего высокого и значительного кузена. Неуклюжий, неловкий и, в самое неподходящее время, слишком громкий. Скорее всего, именно сейчас. Его охватил трепет.

– Да, – произнес Нед. Его голос по-прежнему звучал слишком громко.

В тот же самый момент Блейкли отрезал:

– Нет.

Она изумленно воззрилась на двух джентльменов.

– Вы, – сказала она, ткнув пальцем в Неда, – сумасшедший. Вы, – она показала на Блейкли, – заодно с ним. А вы, – на этот раз она имела в виду мадам Эсмеральду, стоящую позади них, – очень тихая. Что же до меня, я вас покидаю.

Если она уйдет сейчас, то никакая судьба и все небесные ангелы не сведут ее больше с Блейкли.

– Подождите, – взмолился Нед. – Мы не были вам представлены! А вы не взяли своего слона.

Она обернулась снова:

– Да, мы не были представлены, и я определенно не могу принять дар от незнакомца.

Нед закусил щеку и пожелал немедленно – пожалуйста! – провалиться сквозь землю.

– О, это глупое правило не относится к данному случаю. Оно применимо только к престестным вещам. Таким как одежда, украшения и тому подобное. Это же просто безделица, мусор.

Она взглянула на Неда и покачала головой.

– Вы и в самом деле сумасшедший.

– Да, – согласился он сквозь зубы. – А теперь посмейтесь над безумцем и возьмите этого чертова... то есть, я хотел сказать, этого проклятого слона.

Она долго-долго смотрела на него. Потом, неожиданно, на ее щеках появились ямочки. Она не улыбалась, но ее глаза сияли. И она протянула руку в перчатке ладонь вверх.

Он положил в нее костяную бляшку.

– Это, – произнес Нед, – теперь ваш собственный незаконнорожденный кусок цитруса.

Она посмотрела на него. Ее глаза были серыми, и Неду внезапно показалось, что она смотрит ему прямо в сердце, которое бешено затрепетало под ее взглядом. Нед перевел дыхание.

Девушка сделала реверанс.

– Благодарю вас, – вежливо сказала она и повернулась.

Нед наблюдал, как она удаляется по темному коридору. Молодая леди ступала уверенно, словно королева. Нед чувствовал себя униженным и разоблаченным. И только когда она дошла до угла коридора, осознал, что они так и не были представлены. Конечно нет. Он только что повел себя как самый большой дурак в Лондоне. Кто же захочет завести с ним знакомство?

Но это уже не имело значения. Она была предназначена судьбою Блейкли. Тот сможет ее получить. Тот завоюет ее, его пугающее превосходство найдет достойного соперника в ее холодной элегантности. Нет сомнений, Блейкли обязательно полюбит ее.

Он обернулся к своему кузену.

– Однажды, – горько произнес Нед, – ты поблагодаришь меня за то, что я сейчас для тебя сделал.

Блейкли язвительно усмехнулся:

– На твоём месте я вряд ли бы делал на это ставки. А теперь я буду тебе очень благодарен, если мы поскорее вернёмся на бал.

Глава 5

Однако прежде чем замыкавшая их маленькую компанию Дженни сделала шаг по направлению к бальной зале, их окликнули. Едва лорд Блейкли приоткрыл дверь, ведущую в освещенную огнями комнату, раздался голос.

– Блейкли, – задала вопрос юная леди, – почему вы прячетесь на людской половине? И почему не сказали мне, что будете здесь сегодня?

Лорд Блейкли так внезапно остановился, что Дженни почти врезалась в него сзади. Она задержалась у входа в залу, ослепленная внезапно нахлынувшим на нее океаном огней. Прошло несколько секунд, пока глаза ее привыкли к свету после полумрака коридора, и, когда она обрела способность рассмотреть, кто их окликнул, вернее, кто окликнул маркиза, она закашлялась.

Это была Перышко. Та самая женщина в голубом, на которую она указала, прежде чем столкнуться с шоком Неда и неожиданно легким согласием лорда Блейкли, убедившим ее изменить свое мнение.

Перышко нельзя было назвать привлекательной. Несмотря на присущую юности свежесть, черты ее лица были слишком угловатыми. Однако она вся светилась таким ровным, ярким блеском, который сделал бы даже самую невзрачную леди достойной внимания. Она выглядела почти так же впечатляюще, как и лорд Блейкли, одетая в роскошное голубое платье, вышитое цветами и украшенное шелковыми бутонами. Ослепительный жемчуг оттенял белизну ее шеи. Песочного цвета волосы были уложены в сложную прическу с невесомыми, воздушными локонами, подчеркнутыми тремя пышными перьями, давшими ей это прозвище.

Она определенно не была красива, но что-то знакомое притягивало к ней взор.

Удивительно, но Перышко не выказывала ни йоты самоуверенности, приличествующей ее костюму и положению. Еще более юная, чем Нед, она запрокидывала голову и улыбалась – верный признак того, как страстно желает она радоваться сама и радовать своим вниманием других.

Здесь заключалась какая-то загадка. Несмотря на ее прекрасные манеры, поведение лорда Блейкли непреложным образом свидетельствовало о том, что эта леди была по какой-то причине неприемлема для брака. Однако леди окликнула его дружески «Блейкли», а надменный маркиз не поправил ее со своим типичным холодным презрением.

Наконец тьма рассеялась. Теперь Дженни поняла, почему черты ее показались ей знакомыми. Неудивительно, что лорд Блейкли так хотел, чтобы Дженни выбрала эту женщину.

– Лорд Блейкли, – обратилась к нему Дженни. – А вы мне никогда не говорили, что у вас есть сестра.

– Видишь? – Нед резко взмахнул руками. – Как ты можешь в нее не верить? Я не сказал ей об этом ни слова.

Перышко оглядела Дженни с неприкрытым любопытством.

– По залу прошел слух, что эта леди – наша отдаленная кузина. Я и не знала, что в нашей семье были Бернарды.

Лорд Блейкли скривился:

– Веди себя достойно, Нед. Не забывай, что мы находимся в очень многолюдном месте. И, Лаура, она не ваша кузина.

Юная леди вздохнула.

– Со стороны Кархартов? Все равно, ваша кузина, это и моя кузина тоже. – Она посмотрела на Дженни и улыбнулась почти стыдливо. – Не правда ли, это так в духе моего брата игнорировать меня всякий раз, когда я столь очевидно прошу его о представлении? А о чем это болтал Нед?

Нед сердито расправил плечи.

– Не спрашивайте у великого маркиза Блейкли объяснений. Или представлений. Он даже не побеспокоился доставить своих собственных слонов. Он не верит ни во что, пока это не окажется у него под носом.

Голубые перышки в прическе леди согласно взметнулись.

– О, можно подумать, мне это неизвестно. – Она снова взглянула на Дженни, а потом продолжила в доверительном тоне: – Он даже не позволил моему жениху управлять в будущем моим состоянием. Он не верит ни во что, что не может увидеть, понюхать и попробовать.

Лорд Блейкли никак не выказывал своего отношения к происходящему – он ни бранил ее, ни попытался развеять очевидное беспокойство младшей сестры о том, как он воспримет ее насмешки.

– На самом деле, – убежденно заметила вмешавшаяся в разговор Дженни, – он даже еще более разборчив.

Лорд Блейкли расправил плечи. Его губы сжались, глаза яростно горели. Дженни встретила его разгневанный взгляд и лениво прищурила один глаз.

– Поверьте мне, – сказала она. – На самом деле он не доверяет даже тому, что пробует на вкус.

Лорд Блейкли раскрыл рот. Его взгляд упал на ее губы, и он, несомненно, вспомнил горячий и страстный поцелуй, случившийся между ними. Он застыл, будто охваченный приступом внезапной боли. А потом случилось чудо.

Он улыбнулся.

Улыбка полностью преобразила его лицо, превратившееся из холодного и застывшего в теплое, тронутое легким румянцем волнения. Произведенный эффект оказался немедленным и изумительным. Он выглядел так, будто помолодел лет на десять. У Дженни едва не подогнулись ноги в этих неудобных сапожках на каблуках и перехватило дыхание.

Неудивительно, что этот человек никогда не улыбался. Он мог бы нанести серьезный урон женской половине человечества, если бы делал это более чем один раз в десять лет.

Он в ужасе заморгал, внезапно осознав, что он делает. Уголки его губ резко поползли вниз, складываясь в сердитую гримасу. Он выдохнул и резко повернулся к своей сестре:

– Если я и не поприветствовал тебя раньше, Лаура, так это именно потому, что надеялся избежать подобной ситуации. У меня нет желания знакомить тебя с этой женщиной.

Дженни чувствовала себя так, будто внезапно покрылась сосульками. Будто она снова вернулась в свой пансион. Будто девочки опять заговорили об *этой Дженни Кибл*, презрительно отказываясь принять ее в свои ряды.

Перья поникли, когда Лаура склонила голову.

– Уверена, в семье...

Лорд Блейкли встал между Дженни и своей сестрой. Он понизил голос, но произносил слова достаточно отчетливо, чтобы Дженни их слышала. У нее не было ни малейших сомнений в его намерениях довести до ее сведения каждое слово своего полного ненависти высказывания.

– Она также и не кузина со стороны Кархартов. Она не имеет никакого отношения к нашей семье. Она лживая предсказательница судьбы, которая вцепилась своими когтями в Неда и не достойна того, чтобы вы ее знали.

Не достойна, не подходит, не соответствует. Эти слова с раннего детства вошли в ее жизнь. Каждое из этих слов полностью соответствовало правде. Они до сих пор причиняли ей боль, растравливая рану, которая была все еще свежей, несмотря на прошедшие с тех пор годы. Дженни сбежала из пансиона, чтобы не слышать обидных замечаний о ее происхождении и вероятной судьбе. И даже спустя столько лет эти слова жгли ее словно раскаленное железо.

– О, моя дорогая. – Лаура перегнулась через склоненную к ней фигуру маркиза. – Вы и вправду предсказываете будущее? Можете сделать мне предсказание? Вы посещаете клиентов на дому или мне самой к вам зайти?

Дженни могла только представить, как заскрежетал зубами лорд Блейкли.

– О, она просто великолепна, – ответил Нед. – Прошло два года, как мы знакомы, и она ни разу не ошиблась. А сейчас она предсказала женитьбу Блейкли.

Маркиз содрогнулся.

– Замолчи, – взревел он. – Совершенно нет нужды кричать здесь о...

Однако в глазах его сестры уже плясали яркие искры.

– Так вы хотите женить Блейкли? Грандиозно! Я знала, что вы мне понравитесь! – Она обошла брата и протянула руку Дженни.

Дженни смотрела на свою руку в руках молодой леди. Она была слишком потрясена, чтобы произнести хоть слово, и изумленно таращилась на Лауру. Она не ожидала увидеть дружелюбное, улыбающееся лицо после холодной отповеди маркиза. Комок встал у нее в горле.

Естественно, лорд Блейкли не замедлил вмешаться.

– Миссис *Бернард*. – Он холодно подчеркнул это имя, предлагая ей свою руку. – Я полагаю, нам следует кое-что обсудить. Лаура, я увижусь с тобой... я увижусь с тобой через месяц.

Улыбка медленно соскользнула с лица его сестры, когда она осознала, что ее в очередной раз проигнорировали. Она высвободила свою руку, которой поддерживала Дженни под локоть, и остановилась лишь, чтобы тепло пожать ей руку на прощание. Ее брат буквально почернел, заметив этот жест.

Он открыл дверь, ведущую к черному ходу, откуда они только что появились, и протащил Дженни на несколько шагов вперед, не давая ей высвободиться из его железной хватки. Потом он резко вырвал свою руку, прислонил Дженни к стене и угрожающе навис над ней.

– Одно дело Нед, – яростно произнес лорд Блейкли. – Я несу за него ответственность. Не сомневайтесь, что бы еще ни случилось между нами, я уничтожу ваше на него влияние. Но моя сестра...

– Ваша сестра производит впечатление прелестной молодой женщины.

Его губы скривились.

– Мисс Эдмонтон, – холодно подчеркнул он, – вас не касается. Она моложе меня на шестнадцать лет, и я не намерен наблюдать за тем, как кто-то причинит ей вред. И это с моей стороны предупреждение, а не приглашение. Только попробуйте связаться с моей сестрой, я и вас уничтожу.

Дженни встала уперев руки в бока.

– Значит, так вы считаете? Я, по-вашему, вижу в ней свою потенциальную жертву, безмозглую простофилю?

– Я заметил, как вы посмотрели на нее, когда Лаура взяла вашу руку. Так, будто она протягивает вам подарок.

Дженни опустила глаза, чтобы скрыть острую боль, промелькнувшую в ее взгляде. Она чувствовала себя словно переплетенные волокна коврика, валявшегося у ее ног, – изношенной и истертой. В блестящем мире лорда Блейкли и ему и ей давно уже следовало бы отправиться к старьевщику. – Я преклоняюсь перед вашим особенным талантом, лорд Блейкли. Должно быть, это требует специального склада ума видеть исключительно самое плохое во всем, что вас окружает.

– Вы думаете, я об этом сейчас с вами разговариваю? – Он схватил Дженни за подбородок и приподнял голову, чтобы она не могла избежать его инквизиторского взгляда. – Я не могу рисковать, что вы солжете мне на этот счет.

Ложь. Дженни проглотила стыдливый комок, поднявшийся откуда-то изнутри. Он осудил ее так просто. Хотя в известном смысле ей не следовало удивляться. Она всегда знала, что думает о ней так называемое приличное общество.

Она перестала быть хорошей, потому что ее поведение не имело никакого значения. Не важно, насколько доброй, или хорошей, или искренней она может быть, они все и всегда будут обвинять ее в том же самом. Не важно, что она совершит, она все равно останется незаконно-рожденной девочкой, никогда не знавшей своих родителей. Что она теряла, став мошенницей?

И если джентльмен и видел в ней нечто большее, чем еще одну паркетную досочку, то он думал то же самое, что и лорд Блейкли, – потенциальный сосуд для его семени, достойный внимания лишь на время сексуальных утех. Она покинула это приличное общество давно, но единственное, что изменилось, – лицо мужчины, делающего ей предложение.

Неделю назад лорд Блейкли абсолютно точно предположил правду о ее одиноком детстве. Теперь он считал ее недостойной. Однако, смотря в его глаза, она ощущала непереносимое желание поцеловать его. Это было похоже на побуждение сквырнуть нарыв – больно, глупо, и все равно снова откроется кровотечение. Неужели она была такой идиоткой, подумав, будто этот мужчина чем-то отличается от других?

За исключением сильного плотского влечения, возникшего между ними, он был точно такой же, как и остальные джентльмены его круга.

– Скажи мне, – прорычал он, – скажи честно, что никогда не вступишь с ней ни в какие отношения.

Нет. Не совсем такой же.

Существовало одно отличие. Он считал ее недостойной, но не она одна удостоилась его осуждения. Нед, его сестра – он жестоко относился к ним тоже. Для него *любой* человек был не более чем паркетная досочка. Он был один в многолюдной зале, оставшейся позади них.

Его пальцы вцепились в ее подбородок.

– Скажи. Пообещай мне это, – приказал он.

Дженни представила, каким он видит себя со стороны. Холодным, несомненно. Отличающимся ото всех и превосходящим любого другого. Он видит себя как человека, способного исторгнуть из уст женщины крик наслаждения, испытывая сам лишь нечто большее обычного плотского вожделения. Возможно, лорд Блейкли презирает простых смертных, которые позволяют своему рассудку впасть в такие неловкие и непростительные грехи, как выказывание доверия, признание в любви или привязанности.

Несчастный человек.

– Я вовсе не рассматриваю вашу сестру как потенциальную богатую дурочку, милорд. Удивляюсь лишь, что вы сами так о ней думаете.

Он пристально всматривался в ее глаза в полумраке коридора. Похоже, он удостоверился, что она его не обманывает, поскольку отпустил ее подбородок.

Дженни потерла рукой следы, оставшиеся от его пальцев. Пять отметин горело на ее подбородке. Ей не было больно, но она чувствовала себя униженной. За все эти долгие годы она должна была бы привыкнуть к этому чувству. По крайней мере, подумала она горько, у лорда Блейкли есть несколько реальных причин, помимо ее рождения, верить в ее непорядочность.

Он презрительно покачал головой:

– Я стараюсь видеть правду даже в тех, кем действительно дорожу. У меня нет желания обманывать себя. Что еще должен я видеть?

Существовало миллион ответов. Дженни колебалась, подыскивая лучший вариант. Наконец она выбрала самый жестокий из возможных. Она выбрала правду.

– Я думала, что вы должны видеть младшую сестренку, которая, несмотря на все, что вы ей наговорили, по-прежнему обожает вас.

Его губы побледнели. Руки сжались.

О, он постарался скрыть это. Но эта жалкая вспышка лишь подтвердила, что лорд Блейкли может заботиться о ком-то, как бы он ни старался отрицать это.

Этот приступ гнева, догадалась она, был ее наказанием, несправедливо наложенным на нее за выигранную улыбку. За то, что она вдохнула теплоту в ледяного лорда Блейкли. Его месть за то, что он причинил боль своей сестре, хотя хотел всего лишь защитить ее. Дженни не была объектом этого гнева, просто его адресатом. Осознание того, что она выступила в роли козла отпущения, не должно было бы заставить ее чувствовать себя лучше. Но именно так и произошло.

Дженни протянула руку и коснулась его щеки. Внезапный жар, намек на едва появившуюся щетину.

А потом он отмахнулся от нее, как от ползущего по щеке жучка.

Да. Она заставит его заплатить за эту сцену в той валюте, которую он отрицает. Жар. Смех. И... о, возможно, чуточку унижения. Он, должно быть, разглядел обещание в ее глазах, потому что отступил.

– Думайте, что вам угодно, – сказал он, возвращаясь в многолюдную, сверкающую огнями комнату. – Только держитесь подальше от моей сестры.

* * *

Голова Дженни раскалывалась от усталости. Только резкий вечерний холодок и невыносимый гул в ногах не давали ей заснуть на ходу. Их небольшая группка застыла в ожидании кареты лорда Блейкли на каменном парапете, ведущем от парадного подъезда особняка, откуда еще доносились громкие звуки бала. Она покинула комнату, переполненную подавляюще яркими тканями, богатыми цветами, изысканными украшениями и пищей, которую бедные слуги, должно быть, готовили несколько дней. Однако за этими белыми мраморными стенами, в Мейфэре царила та же ночь, что и в остальной Англии.

Никакое количество денег не могло спасти от вездесущего лондонского тумана, погружившего улицы во влажный полумрак. Во мраке ночи лорды и простолюдины выглядели практически одинаково.

Однако разница все-таки присутствовала. Нед стоял, ссутулившись, рядом с Дженни. Он зевал во весь рот, на его зубах отражался отблеск газового света из соседнего окна. Однако лорд Блейкли держался так же прямо и решительно, словно вечер должен был только начаться. Дженни могла поспорить, что его ноги не чувствовали ни малейшей боли или усталости. Неудивительно, если они выточены из того же камня, что и другие его члены, в них вряд ли есть нервы, чувствительные к боли.

– Я пытался разыскать ее, – пробормотал Нед, борясь с приступами зевоты, – но мне это не удалось. Как же мы увидимся с ней снова?

Взгляд лорда Блейкли был направлен в окутавшую их темноту.

– Просто. Мы спросим леди Кэтлин Даннинг. Она дочь герцога Уарского и, вероятно, впервые начала выезжать в этом году в свет.

– Хорошо. – Нед снова зевнул. – С тобой все ясно. Ну а где же карета?

Лорд Блейкли сцепил пальцы, обтянутые тонкой кожей перчаток.

– Выезжает из-за угла. Прямо... сейчас.

Когда Нед принялся недоверчиво озиаться, лорд Блейкли вздохнул.

– Я слышал, как она приближается. Я знаю поступь моих лошадей. И, если бы ты обращал больше внимания на то, что тебя окружает, узнал бы ее тоже. Ты бы также заметил, что твоя дорогая мадам Эсмеральда едва не женила меня на моей собственной сестре. И если бы ты не привлек ее внимание к этому своим кашлем и невнятным лепетом, то уже получил бы неопровержимое доказательство отсутствия у нее каких-либо способностей.

Это, сказала себе Дженни, как минимум нечестно. Она отказалась от кандидатуры этой леди скорее из-за внезапно вспыхнувшего к ней интереса со стороны лорда Блейкли.

– Даже тогда, – задумчиво проговорил Нед, – я как раз размышлял, можно ли отказываться от сестер так же, как и делать их?

Лорд Блейкли протяжно вздохнул.

– Делать сестер?

– Я прочел об этом в одной книге по скандинавской мифологии. Правда, я читал о братьях, о клятве на крови. Два человека рассекают себе ладони до крови, а потом соединяют их вместе, чтобы кровь смешалась.

– Еще большая чушь. Неужели ты веришь во все, о чем читаешь? Невозможно искусственно создать себе брата. Это имеет отношение к биологии и наследственности. О чем ты и сам бы прекрасно догадался, если бы дал себе труд подумать.

Нед старался не реагировать, но Дженни разглядела боль в развороте его плеч, в том, как он отвернулся от подоспевшего экипажа. Когда карета с грохотом остановилась, пальцы Неда с горечью сжали ее руку, помогая протиснуться вовнутрь. Лорд Блейкли уселся на противоположное сиденье, совершенно не беспокоясь о причиненном им горе.

О да. Дженни заставит его заплатить за это.

Она наклонилась вперед.

– Лорд Блейкли, – проговорила она, – несмотря на все ваши рациональные склонности, я заметила, как усердно вы занимаетесь неким особым направлением алхимии.

Рука маркиза медленно упала на колено.

– Прошу прощения? Вы обвиняете меня в алхимии?

– Да, мистер Парацельс, я в этом уверена.

– Объяснитесь. – Его гневные слова прозвучали холоднее лондонского тумана, заполнившего небольшой экипаж.

– Типичный алхимик старается превратить свинец в золото. Но вы, будучи упрямым и не соответствующим общепринятым нормам, конечно, предпочитаете заниматься обратным процессом.

– Вы несете чушь.

Когда Дженни завела этот разговор, она еще в точности не знала, что ей предпринять. Но его поведение, его попытки всячески дистанцироваться от любого намека на иррациональность навели ее на мысль о плане, плане блестящем как полуденное солнце.

– О, вы скоро все поймете, – заметила она. Дженни заулыбалась так, что, казалось, щеки ее готовы были лопнуть. – Я говорю о втором задании.

Несколько секунд раздавался только стук колес и копыт лошадей о каменную мостовую.

– Вы хотите, чтобы я превратил золото в свинец? – Намек на изумление, легкое разочарование. – Полагаю, мне следует только порадоваться, что вы сдались столь легко. Ставя невыполнимое условие исполнения вашего предсказания, вы признаете тем самым невозможность его реализации в действительности.

Дженни наклонилась и похлопала его по щеке.

– О, да вы глупый натуралист. – произнесла она. – Вы всегда мыслите так буквально? Я наблюдаю за тем, как вы превращаете золото в свинец, с тех пор, как вас встретила.

Как Дженни и надеялась, в ответ он был способен только прорычать что-то невразумительное. Дрожь прокатилась по ее руке, которую она продолжала удерживать на его щеке. Это послужит ему на пользу. Он привык подавлять всех своим постоянным снисходительным высокомерием. Теперь пришла его очередь испытать на себе чужую снисходительность, и посмотрим, как ему это понравится.

– Я, право, надеюсь, что вы все-таки дадите несколько более развернутое объяснение, чем это. Тем из нас, кто являются ужасающе буквальными, нужно нечто менее сомнительное и двусмысленное, чем эта ваша оккультная чушь.

– Я наблюдала за вашими отношениями с кузеном все это время. Любой может заметить, что у Неда сердце из чистого золота.

Нед сделал взволнованное движение руками, юношеский жест, который Дженни перевела как «да я скорее позволю заколоть себя тупой столовой вилкой, чем соглашусь с честным комплиментом».

– Постоянно критикуя и запугивая его, вы, используя тайные алхимические процессы, намереваетесь превратить своего кузена в некий основной металл.

– Забавная аналогия, мадам Эсмеральда. – Голос лорда Блейкли звучал совсем не весело. – Я полагаю, вы переходите к той части, в которой, наконец, объясните сущность своего задания?

– Превратите свинец обратно в золото, – сказала Дженни. – Просто, не правда ли?

Он зашевелил губами, пытаясь разгадать подтекст.

– Вы хотите, чтобы я придумал что-нибудь хорошее о Неде сейчас, да? – Неуверенный тон свидетельствовал о том, что ее задание показалось ему столь же невозможным, как и алхимия.

В этом и заключалась, помимо всего прочего, причина, по которой она дала ему это задание. Дженни рано поняла, что, говоря своим клиентам именно то, что они хотят услышать, можно заработать много денег. Но, пересказывая им все эти замечательные вещи, она начала верить в них сама. Сам процесс поиска хорошего в человеке вызывал к нему симпатию. И, если то же самое случится с этим высокомерным и заносчивым господином, то это станет хорошим началом его расплаты.

Мысли о его долгах вызвали еще один всплеск злого ликования в душе Дженни.

– О, полагаю, что этот процесс должен быть более открытым, разве вы так не думаете? Духи требуют, чтобы вы воспели ему хвалу на публике.

– Объявить это? Хорошо. – Лорд Блейкли углубился в размышления. – Я полагаю, что мне удастся высказать один или два публичных комплимента.

– Мои замечания об алхимических превращениях были метафорическими. Но когда я сказала, чтобы вы воспели ему хвалу, я имела в виду именно это. Буквально.

Воцарившаяся могильная тишина прерывалась только стуком копыт о мостовую. Даже этот звук звучал глухо, будто животные знали, что будет, если помешать разъяренному хозяину.

Лорд Блейкли приподнялся, угрожающе нависнув над противоположным от него сиденьем.

– Вы хотите, чтобы я запел? На публике?

– Оду своего собственного сочинения, пожалуйста. – Дженни мило ему улыбнулась.

Ответа не последовало. Он сел в бессильной ярости. В свете мелькавших фонарей было видно, как сжались в кулак его руки. В воцарившемся в экипаже напряжении стук копыт звучал умиротворяюще.

– Вы стараетесь меня унижить.

Совершенно верно. Помимо всего прочего.

– У вас это не получится, – заявил он. – Люди куда значительно больше вас безуспешно пытались это сделать.

Дженни покачала головой. Это была даже лучшая идея, чем слон. Лошади остановились у порога жилища Дженни. Лакей открыл дверь. Дженни нанесла последний удар:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.